

Письма в клеточку

Несколько строк
могут спасти от пытки
одиночеством

понедельник

среда

пятница

Виктория ИВЛЕВА — о том,
как и зачем писать политзэкам

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

НОВАЯ

газета

страницы 22–23

№ 126 (2991) 11.11.2019 г.

Все дорожки ведут в

РАН

Академиком в России может стать всякий:
от гомеопата до телепата

Как проходят выборы
в РАН, рассказывает
Андрей ЗАЯКИН

страницы 4–5

Василий ПЕТРОВ

Они хотят превратить трагедию в статистику

Председатель «Мемориала»

Александр ЧЕРКАСОВ о том, как спецслужбы сделали правозащитников иноагентами и заставляют их выплатить гигантские штрафы

В 2012 году был принят закон об «иностранных агентах», который говорит, что иностранным агентом является тот, кто получает иностранное финансирование и занимается политической деятельностью. Никакого доказательства агентских отношений с принципом не предполагалось. Кто платит, тот и заказывает музыку. [Американский] Закон Foreign agents registration act, на который ссылались наши власти, требует доказа-

не нашлось. Тогда закон был изменен, и власть сама решила записывать тех, кто ей не нравится, в агенты.

Правозащитный центр «Мемориал» внесли в реестр летом 2014 года. Тогда Владимир Владимирович [Путин] гневно высказался о том, что закон есть, но не работает, и пошли прокурорские проверки. Изъяли у нас около девяти тысяч листов документов. «Международный Мемориал» включили в реестр в 2016 году за то, что он назвал действия России на Украине агрессией в соответствии с определением ООН. Тогда дополнительно изъяли 31,5 тысячи листов документов.

Сказано: мы являемся иноагентом из-за того, что ведем списки политических заключенных [в России] и отслеживаем задержания на митингах. Это был почетный документ, потому что — не за закорючку в уставе, а за реально полезную деятельность. Более того, это деятельность, которой занималась «Хроника текущих событий», основанная ровно за 45 лет до этого. Мы не против встать рядом.

Но мы отказывались маркироваться как «иностранный агент». Это привело к тому, что вначале на нас наложили штрафы: два по 300 тысяч рублей, потом еще два по 300. В 16-м году нам прислали черную метку — пришло письмо от Минюста, где было сказано, что если мы не маркируем сайт, нас закроют. Тогда решением общего собрания мы промаркировали сайт надписью: «4 октября 2016 года Минюст РФ внес «Международный Мемориал» в реестр

С начала года на правозащитный центр «Мемориал» и «Международный Мемориал» было составлено 20 протоколов, все — за нарушение закона об «иностранных агентах». Чиновники Роскомнадзора не нашли маркировки «иностранный агент» на публикациях «Мемориала». За последние месяцы «Мемориал» уже оштрафовали на 1,4 млн рублей, причем рассмотрено только шесть протоколов. Параллельно в августе, после плановой экспедиции волонтеров пермского «Мемориала» к кладбищу, где похоронены жертвы политических репрессий, сотрудники МВД возбудили два уголовных дела. Одно — по статье 260 УК (незаконная рубка лесных насаждений), другое — по статье 322.2 УК (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина). Волонтеры «Мемориала» проходят по делу свидетелями.

Преследования правозащитных организаций в последнее время участились: 10 октября за отсутствие маркировки оштрафовали на 650 тысяч рублей неправительственную организацию «Общественный вердикт», 1 ноября за нарушение того же закона ликвидировали движение «За права человека».

Председатель совета правозащитного центра «Мемориал» **Александр ЧЕРКАСОВ** рассказал «Новой газете», как начиналось преследование НКО в России и во что оно вылилось сегодня:

Проблемы у «Мемориала» начались в 2005–2006 годах — началась первая волна гонений на неправительственные организации, когда ужесточились правила регистрации и отчетности. Тогда сократилось число зарегистрированных общественных организаций.

Это был результат оранжевой революции на Украине, когда наши политтехнологи, получившие там по морде, представили происшедшее родному правительству так, что это не мы вмешивались и получили полное фиаско, а это америкосы, используя общественные организации, всё испортили. Но мы готовы взять подряд по предотвращению этого в России. И начали предотвращать. Борьба с самими же придуманной угрозой.

Следующая волна — после «белой зимы» 2011–2012 годов, когда по всему спектру демократических прав и свобод, гарантированных Конституцией, были приняты законы, которые эти права ограничивали или отменяли.

Это касалось и свободы собраний, и свободы СМИ, и свободы ассоциаций.

« Нам пришло 10 писем из ФСБ, составлено уже 20 протоколов, из них 10 — на организации и 10 — на их руководителей »

В плане свободы ассоциаций власти, как сказали бы психиатры, руководствовались проекцией. Были имитации гражданского общества с помощью структур, финансируемых самой же властью, которые и были, по сути, ее агентами. В моду вошла теза: все, кто получает деньги не от нас, получают их от других [правительств]. Путин же говорил: «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует». Для представителей спецслужб характерно такое восприятие действительности, что все, кто не наши агенты, — чужие агенты.

тательства такого рода агентских отношений и направлен против лоббистских организаций, которые за чьи-то деньги лоббируют чьи-то интересы. Если организация самоуправляемая, но получает грантовое финансирование, это не значит, что она выполняет чью-то злую волю.

Закон в России оказался не очень обязательным, но, надо сказать, эффективным. Поначалу предполагалось, что организации сами должны идти и вписываться в реестр иностранных агентов. Но что-то желающих носить желтую звезду

«некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде».

В Страсбург мы подали [жалобу] еще зимой 13-го года в статусе потенциальных жертв этого закона. С тех пор из потенциальных мы стали кинетическими, но в Страсбурге никакого движения, никакой кинетики нет, хотя прошло уже почти семь лет. А жалоба там — от группы неправительственных организаций. После 2016-го года началось шевеление. Мы оказались не первыми — еще в июне была жалоба от «Общественного вердикта», который так же оштрафовали.

На нас УФСБ по Ингушетии начало писать бумаги в конце июля этого года. В июне в отставку с поста руководителя Ингушетии подал Юнус-Бек Евкуров. Евкуров с общественными организациями общался, и при нем силовики на «Мемориал» старались не нападать. После его ухода управление ФСБ начало писать бумаги — это объяснимо: «Мемориал» занимался гражданским контролем в зоне проведения контртеррористических операций, чем не улучшал жизнь и отчетность чекистам.

Вот чекисты и получили возможность раскрыть «нарушения в сфере государственного управления». Я подозреваю, что в их отчетности появились десять «палочек». Это же так хорошо — утром, за кофе, никуда не ходя, раскрыть факт нарушения в сфере госуправления.

В начале сентября на нас начали составлять протоколы. Поначалу — на правозащитный центр за [отсутствие маркировки об ИА] в фейсбуке ингушского представительства правозащитного центра «Мемориал». Они не очень-то хорошо работают: среди скриншотов, которые были нам вменены, только часть была «мемориальскими» материалами, часть была со сторонних сайтов, а один — с сайта Республики Ингушетия.

Разумеется, мы не признаем закон об «иностранных агентах», но даже если его использовать, он не предполагает двойной маркировки материалов. У вас в ленте [социальной сети] идут исключительно ссылки на сайт, а на сайте маркировка есть.

Как нам говорят, мы представляем общественную опасность, потому что не информируем граждан об этом страшном качестве.

Нам пришло 10 писем из ФСБ, составлено уже 20 протоколов, из них 10 — на организации и 10 — на их руководителей. Семь протоколов — на «Международный Мемориал» и семь — на его председателя Яна Рачинского. Три протокола — на правозащитный центр «Мемориал», три — на меня. Расценки следующие: на организацию [ПЦ «Мемориал»] наложено 300 тысяч штрафа, на меня — 100 тысяч. Могли бы дать и больше — но это минимум, согласно закону об «иноагентах».

Мы отмаркировали все найденные бравыми ингушскими чекистами сайты или блоги. Правонарушение прекращено. Гипотетическая общественная опасность устранена. Но конвейер работает.

Мы, «Мемориал», не даем превратить трагедию в статистику. Это работа надолго. Это марафонская дистанция, конца которой пока нет. «Хотелось бы всех поименно назвать», — писала Анна Андреевна Ахматова 80 лет назад.

Да, быть может, мы тоже занимаемся, как представляется, бессмысленным делом, пытаясь оспорить все эти протоколы и решения.

Но рано или поздно круговое движение — по дурной спирали — закончится. Да, закончится.

Записала **Лилит САРКИСЯН**,
«Новая»

Кипр, член Европейского союза, объявил в прошлую среду о начале процесса лишения гражданства 26 человек, которые купили его по схеме «паспорт за инвестиции». Президент Никос Анастасиадес признал, что, возможно, при выдаче таких «золотых паспортов» ранее, при менее строгих правилах, были допущены ошибки.

«Сегодня Совет министров подтвердил волю правительства к строгому соблюдению условий инвестиционной программы на Кипре», — заявил журналистам министр внутренних дел Константинос Петридис после заседания.

Пресса, ссылаясь на кипрские источники, сообщает, что в списке лишаемых гражданства, — девять россиян, восемь камбоджийцев, пять граждан КНР, два кенийца, один малайзиец и один иранец.

Кипр привлекает российских инвесторов с 90-х годов благодаря своему благоприятному средиземноморскому климату и удобному финансовому законодательству. С тех пор, как он в 2004 году вступил в ЕС, граждане Кипра могут легко передвигаться по всему союзу 28 стран, жить и работать в любом его государстве без бюрократических препятствий, с которыми сталкиваются приезжие из стран, не входящих в ЕС.

Среди состоятельных россиян, которые, согласно сообщениям, подавали заявки на получение кипрского паспорта, упоминается Олег Дерипаска. По словам его представителей, гражданство Кипра поможет г-ну Дерипаске в широком спектре деловых интересов, которые требуют постоянных поездок по всему миру. Просто для удобства, которое не дает паспорт РФ.

Однако министр Петридис не стал раскрывать личности тех, кому грозит лишение кипрского гражданства, но намекнул, что их имена упоминаются в СМИ.

Лишение предоставленного гражданства — весьма необычная процедура. И в данном случае она стала продолжением скандалов в прессе. Самый громкий разразился в октябре — он связан с публикацией расследования, которое провели пулитцеровские лауреаты, британские журналисты Клэр Болдуин и Эндрю Маршалл.

Они рассказали о сомнительных решениях кипрского правительства продать паспорта за инвестиции представителям камбоджийской элиты, приближенным к премьер-министру Хун Сену, который правит страной железной рукой с 1985 года. В том числе гражданство получили его племянница с двумя взрослыми детьми и мужем — одиозным начальником полиции, а также министр финансов. Среди получателей гражданства и представители коррумпированной элиты Камбоджи, которых международная организация Global Witness обвиняет в безудержном уничтожении тропических лесов и перемещении жителей. В Европе они купаются в роскоши, в то время, как Камбоджа — одна из беднейших стран мира.

Как правительство Кипра намерено «исправлять ошибки», допущенные в выдаче «золотых паспортов»? Министр внутренних дел сообщил о проверке всех случаев натурализации. Вводятся 11 категорий соискателей с «высокой степенью риска». Одна из них — «политически значимые лица». То есть — государственные чиновники, которые в силу своего влияния представляют коррупционный риск. Также теперь исключается из схемы любой, кто ранее был осужден или пребывает под следствием в своей стране; кто связан с незаконной организацией; кто находится под международными санкциями. По словам министра, нынешнюю проверку проходят около 2000 уже выданных кипрских паспортов. Самые большие группы соискателей — россияне и китайцы.

Сдать «золотые паспорта»

Купить европейское
гражданство станет труднее

Фото автора

«Несколько стран — членов ЕС, используя схемы «золотых паспортов» и «золотых виз», в последнее десятилетие выдали паспорта примерно шести тысячам человек и виды на жительство — ста тысячам, получив за это около 25 млрд евро»

На Кипре с 2013 года действует программа получения гражданства в обмен на инвестиции. Достаточно вложить в экономику страны не менее двух миллионов евро — и ты гражданин Евросоюза. (с февраля 2019 года инвестор дополнительно должен внести еще 150 тыс. евро в два кипрских фонда. — Ред.).

За пять лет действия схемы до 2018 года кипрское правительство одобрило 1864 заявления на получение гражданства, заработав более 6 млрд евро. Вместе с членами семей число новых граждан на сегодняшний день приближается к 4000.

Схемы «паспорт за инвестиции» действуют еще в двух странах Евросоюза: на Мальте и в Болгарии. Там паспорта стоят даже дешевле, чем на Кипре: инвесторы должны вложить от 800 000 евро.

Эти три страны ЕС за деньги дают гражданство на условиях, гораздо менее строгих, чем обычные режимы натурализации. Нет никаких обязательств по фактическому проживанию физического лица в стране, не требуется никаких других

доказательств «подлинной связи» с ней до получения гражданства.

Болгария поспешила заявить Брюсселю, что откажется от такой схемы. Но там существует проблема коррумпированности государственных чиновников, давших паспорта просто за взятки десяткам тысяч иностранцев.

Помимо «золотого паспорта» распространена в Евросоюзе и схема «золотой визы» — когда инвестор получает за свои деньги не гражданство, а только вид на жительство в ЕС. Он дает иностранцу право жить в стране ЕС и свободно перемещаться по Шенгенскому пространству. В перспективе резидентство после нескольких лет открывает путь к приобретению гражданства по упрощенной процедуре.

Схемы инвестирования в резидентство очень разные, особенно в отношении характера и объема инвестиций. Суммы могут варьироваться от 13 500 до более 5 млн евро в форме капиталовложений, инвестиций в недвижимость или в государственные облигации, пожертвований на общественную благотворительность или еди-

новременных взносов в государственный бюджет. Эти схемы используют Болгария, Великобритания, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Франция, Хорватия, Чехия и Эстония.

По данным прошлогоднего совместного доклада международных неправительственных организаций Transparency International и Global Witness, несколько стран-членов ЕС, используя схемы «золотых паспортов» и «золотых виз», в последнее десятилетие выдали паспорта примерно шести тысячам человек и виды на жительство — ста тысячам, получив за это около 25 млрд евро. Больше всех — Испания, Кипр, Португалия и Великобритания.

Печальной достопримечательностью мальтийской столицы Валетты стал импровизированный мемориал, на котором всегда живые цветы и горящие свечи. Самая крохотная страна ЕС была потрясена гибелью журналистки Дафны Каруаны Галиции. Осенью 2017 года ее взорвали в машине. Убийство до сих пор не раскрыто. Известно, что Каруана занималась расследованием нескольких коррупционных дел в высоких эшелонах власти, в том числе связанных с программой «паспорт за инвестиции».

В Европейском союзе вопросы предоставления гражданства и выхода из гражданства, предоставления видов на жительство относятся к суверенной компетенции стран-членов. Но каждая страна, устанавливая правила, должна соблюдать рамки законодательства ЕС, за чем следит Европейский суд. Схемы «золотых паспортов» и «золотых виз» — предмет общего интереса ЕС. Ведь решение одного государства-члена предоставить гражданство иностранцу в обмен на инвестиции автоматически дает ему права по отношению к другим государствам-членам. В частности, свободное передвижение и доступ к внутреннему рынку ЕС для осуществления экономической деятельности, право голосовать и быть избранным в Европарламент и местную власть.

В Брюсселе 23 января на пресс-конференции в Европейской комиссии комиссар ЕС по вопросам правосудия Вера Юрова впервые представила доклад о схемах торговли гражданством и видами на жительство. Европейский союз призвал своих членов принять меры против безответственной раздачи «золотых виз» и паспортов иностранным инвесторам, предупреждая, что такая практика может вести к коррупции и отмыванию денег.

Доклад выявляет риски, связанные с безопасностью, коррупцией и уклонением от уплаты налогов. В нем содержатся опасения на счет прозрачности схем и добросовестности управления ими.

Брюссель предупредил, что «примет необходимые меры», если страны ЕС не будут соблюдать европейское законодательство в отношении контроля границ, отмывания денег и уклонения от уплаты налогов. Создана группа экспертов, которая постарается сделать платные схемы предоставления гражданства и резидентства более прозрачными и безопасными. Цель состоит в том, чтобы к концу 2019 года разработать список требований.

Конец года наступает, и министры экономики и финансов на декабрьском совете ЕС будут делать выводы.

Александр
МИНЕЕВ,
соб. корр. «Новой»,
Брюссель

Андрей
ЗАЯКИН
«Новая»

Может ли крысиная душа переселяться

Членкор РАН С.К. Судаков с соавторами начинает свою статью «Бесконтактная передача приобретенной информации от умирающего субъекта к зарождающемуся. Экспериментальное исследование на крысах» с цитирования англоязычных публикаций о реинкарнации, причем создается впечатление, что авторы поддерживают идею передачи мыслей от мертвых к живым.

Нельзя сказать, что Судаков — новичок в экстрасенсорике. Вот как он пишет со ссылкой на свою работу 2005 года: «В 1985 г. нами было установлено наличие бесконтактного дистанционного эмоционального резонанса между биообъектами, доказывающее возможность передачи биологической информации (отрицательного эмоционального состояния) между кроликами близкого родства». То есть кролики у него телепатически взаимодействовали.

В этом году членкор Судаков баллотируется в академики.

Как «доказал» реинкарнацию душ Судаков? Извините, крыс запускали в бассейн с платформой под водой, которую они не могли видеть. Крысы не очень любят плавать — поэтому они барахтались и искали кусочек суши. Некоторые из них были настолько беспомощны, что — сколько ученые ни бились — не могли найти платформу быстрее, чем за минуту, — и тогда из них формировали группу «необученных» крыс. Другие, напротив, после нескольких попыток, нашли платформу за 10 секунд и даже быстрее — эти были «учеными».

Дальше крыс обезглавливали, и в клетке над их бездыханными телами другие крысы (которых никто не учил искать платформу) занимались сексом. После чего кандидат в академики Судаков дожидался потомства, зачатого над отрубленными головами «ученых» и «неученых» крыс, а также — рядом с головами ученых в белых халатах. Какое-то потомство затем отправляли плавать в том же бассейне в поисках земли. И вот, оказалось — после пары дней барахтанья, крысы, зачатые над отрубленными головами «ученых» крыс, находили спасительную сушу где-то за 20 секунд, а те, чьи родители спаривались над останками глупых крыс, — за 35. На следующий день, заметим, все крысы справлялись с заданием за одинаковое время.

К чему этот рассказ? К тому, что С.К. Судаков вскоре, возможно, станет академиком РАН — уже на этой неделе.

Сюрпризы на выборах в РАН

Тут, уж извините, нужно развести немного бюрократии. Кандидатов в РАН может выдвинуть или ученый совет научного института, или член Академии. В отличие от других выборов в нашей стране, все выдвинутые кандидаты регистрируются и допускаются к голосованию. Перед началом кампании кандидатов изучают Экспертные комиссии отделений Академии, которые дают предварительный отзыв. При этом кандидаты, получившие положительный отзыв Экспертных комиссий, при голосовании идут в вершине списка, а кандидаты, не получившие одобрения Экспертных комиссий, с выборов не

снимаются, но смещаются вниз избирательного бюллетеня.

Сами выборы проходят в три этапа. Сначала кандидатов выбирают секции Отделений РАН. Отделения сгруппированы по научным отраслям — например, математических наук, физических наук и т.п. В рамках каждого Отделения существует несколько Секций. Количество вакансий академиков и членов-корреспондентов ограничено и устанавливается по каждой специальности отдельно — например, в Отделении физических наук это специальности «Физика и астрономия», «Физика», «Астрономия», «Медицинская физика», «Ядерная физика».

В секциях кандидатам нужно набрать квалифицированное большинство (не менее 2/3 от числа голосующих, не менее половины от числа списочного состава), а в дальнейшие этапы голосования секции пройдут только те, кто оказался в лидерах, — Секция не может избрать больше кандидатов, чем есть вакансий.

На втором этапе Отделение РАН утверждает результаты голосования Секции простым большинством (при этом утвержденные кандидаты должны набрать не менее трети голосов списочного состава отделения).

Наконец, третий и решающий этап — Общее собрание РАН должно проголосовать за кандидатов, утвержденных Отделениями, квалифицированным большинством в 2/3 голосов (и опять же, при условии, что в выборах участвует более половины списочного состава Академии). На всех этапах голосования за кандидатов в академики голосуют только академики, за кандидатов в членкоры — и членкоры, и академики.

Итоги голосования в Отделениях обычно становятся известными буквально за несколько часов до общего собрания.

Но в условиях, когда голосовать нужно за 76 академиков и 171 члена-корреспондента — а столько вакансий в этом году — только для загугливания информации не хватит и рабочего дня. Хотя, по идее, каждый член Академии должен был бы знать хоть что-то о кандидате, чтобы голосовать сознательно — что абсолютно нереалистично, даже если бы кандидатов было в несколько раз меньше.

«Членкор РАН С. К. Судаков «доказал» реинкарнацию крысиных душ. Вполне возможно, уже на этой неделе он станет академиком»

Основой такой схемы голосования (в сочетании с необъятностью списка кандидатов) становится принцип «доверия экспертам» из секций и отделений. По умолчанию Общее собрание академиков доверяет коллегам.

Общее собрание на последних выборах в РАН (где вакансий было 499), вообще-то, не особенно отсеивало «административных кандидатов» — и даже получило реприманд от президента Владимира Путина: «Зачем вы это сделали? Они такие крупные ученые, что без них Академия наук обойдется не может?». В итоге в отставку со своих должностей должны были уйти избранные в Академию замминистра внутренних дел Александр Савенков, начальник армейской медслужбы Александр Фисун, замминистра образования и науки палеонтолог Алексей Лопатин, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Василий Христофоров и ряд других ученых.

Академиком
в России
может стать
всякий:
от гомеопата
до телепата?
Как проходят
выборы в РАН,
рассказывает
Андрей
ЗАЯКИН

В РАН

В этом году между голосованием в Отделениях 11–12 ноября и Общим собранием 14–15 ноября будет «день тишины», что должно позволить членам Академии сориентироваться. Президиум РАН обязал отделения Академии опубликовать утвержденные списки кандидатов к полудню 13 ноября. Голосование Общего собрания начнется в 15.00 14 ноября — так что на анализ списков кандидатов у членов Академии в этот раз будет не менее полных суток.

известного питерца и бизнесмена Юрия Ковальчука — кристаллограф Михаил Ковальчук.

Итак, вето общего собрания в послереволюционную эпоху использовалось крайне редко. Тот же Лысенко был успешно избран в АН СССР (правда, академики-физики впоследствии не подавали ему руки, как пишет Иосиф Шкловский в своих мемуарах). В современной России в членкоры избрался гомеопат Олег Эпштейн, несмотря на то, что РАН вполне официально признает гомеопатию лженаукой.

На предстоящих выборах в Российскую академию наук, повторимся, предстоит выбрать 171 члена-корреспондента и 76 академиков. Выборы проходят в обстановке беспрецедентной гласности: списки кандидатов стали известны еще летом (на сайте <http://ras-elections.ru/> опубликованы биографические справки о кандидатах). Несмотря на то, что автобиографии кандидатов всегда подаются вместе с их документами, для некоторых Отделений РАН факт публикации биографических справок оказался серьезным новшеством — добиться публикации удалось только к самому началу голосования.

Кто эти люди

Возглавляемая академиком Виктором Васильевым Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований в конце сентября представила доклад, в котором фигурируют данные о 56 кандидатах — у них были обнаружены плагиат, подлог эмпирических данных, они оправдывали чужие недобросовестные научные работы или участвовали в их защите.

Доклад вызвал истерику в СМИ: статьи на «помоечных» ресурсах, обвинения в «заказе», публичные рекламации отдельных персонажей с аргументацией, построенной по принципу: во-первых, тут плагиат нет, во-вторых, кто сказал,

Алексей КОМАРОВ — «Новая»

что плагиат — это плохо, в-третьих — вы франкмасоны.

Доклад был рассмотрен на Экспертных комиссиях Отделений РАН, некоторые из них изложили свою позицию письменно: кто-то полностью согласился; однако Отделения общественных наук, историко-филологических, сельскохозяйственных и медицинских все же решили поддержать (на уровне Экспертных комиссий) в общей сложности 14 фигурантов доклада: шесть «общественников», двух историков, трех сельхозников и трех медиков.

Больше всего поддержанных «нарушителей» проходит по отделению общественных наук. Пожалуй, самым ярким примером является баллотирующийся в академики членкор РАН, ректор Санкт-Петербургского университета профсоюзов философ А.С. Запесоцкий. Комиссия РАН по противодействию фальсификации утверждает, в частности, что он руководил практически очень стран-

ной диссертацией Евгения Фридмана в 2002 году. Исходя из имеющихся материалов, можно полагать, что в своем ответе, адресованном руководителю Секции философии, социологии, политологии, психологии и права философу Абдусаламу Гусейнову г-н Запесоцкий сослался на серьезные аргументы — мол, это все козни ЦРУ и Госдепа. Экспертная комиссия Отделения поддержала Запесоцкого: в письме Отделения в адрес комиссии РАН утверждается, что «невозможно установить факт заимствования в диссертации, защищенной 17 лет назад».

Это утверждение неверно — подобный факт установить можно. Надо просто положить две диссертации рядом — Евгения Фридмана (защита в декабре 2002 г.) и Ирины Ничипуренко (защита в 1999 г.). И сравнить тексты. Удостовериться в том, что совместных работ у них нет. Бонусом будет следующее наблюдение: в работе Фридмана, якобы выполненной по материалам эмпирических наблюдений в школах Сахалина, всюду «Норильск», который присутствует в диссертации Ничипуренко, почему-то меняется на «Сахалин», при этом все фактические данные и цифры остаются неизменными.

Экспертная комиссия Отделения общественных наук отказалась согласиться с предположением о плагиате в диссертации другого кандидата, баллотирующегося в РАН, — ректора УРГЭУ Якова Силина. В письме академика-секретаря Отделения утверждается: «Все необходимые требования по оформлению диссертации были выполнены. В этой связи доводы, содержащиеся в Докладе, не обоснованы». Достаточно, однако, взглянуть на страницы 160–163, 166–173 диссертации Силина, чтобы увидеть, что они странным образом похожи на доклады фонда «Институт экономики города» за 2002 год: «Как измерить успех программ развития города?», «Методика оценки муниципальных программ социально-экономического развития». Автором докладов Я.П. Силин не был.

Экспертная комиссия Историко-филологического отделения продолжает поддерживать кандидатуру декана факультета политологии МГУ председателя Экспертного совета ВАК по политологии Андрея ШUTOва. О нем «Новая газета» уже рассказывала в статье «Шутовские диссертации». Доклад Комиссии по фальсификации уличал ШUTOва в том, что он выступил в роли руководителя очень странной диссертации генерального директора Центра социально-консервативной политики Людмилы Шуваловой и имел конфликт интересов в ходе рассмотрения ее в ВАКе. Экспертная комиссия Отделения не согласна с утверждением о том, что кандидат в РАН руководил этой диссертацией, в которой почему-то можно найти совпадения с другими научными работами, и не видит конфликта интересов в том, что в ходе рассмотрения дела Экспертным советом руководил сам А.Ю. ШUTOв.

Временно отсеянные

Шансы кандидатов, которые не получили одобрения Экспертных комиссий Отделений, обычно котируются ниже, чем шансы поддержанных. Но эти выборы сулят нам, возможно, сюрпризы. Среди не прошедших предварительный отбор есть несколько ярких кандидатов.

Не прошел фильтр Экспертной комиссии Отделения Роберт Нижегородцев (ИПУ РАН). Среди соавторов Нижегородцева, согласно наукометрической системе «Истина», наиболее часто встречается имя экс-советника президента Владимира Путина Сергея Глазьева. В ВАК Роберт Нижегородцев был правой рукой академика Бориса Порфирьева, возглавлявшего в 2013–2018 гг. Экспертный совет по отраслевой и региональной экономике. О том, как Экспертный совет акад. Порфирьева оправдывал сомнительные диссертации см. «Новую» от 09.02.2018 в статье

«Наука покрывать». Нижегородцев в своих многочисленных выступлениях отстаивал ту позицию, что плагиат допустим, если только он не совершен в выносимых на защиту положениях, и не затрагивает новизны и актуальности диссертации.

Также Экспертная комиссия Отделения общественных наук не рекомендовала Олегу Сухарева из ИПР РАН. Сухарев много лет участвовал в защите, на наш взгляд, сомнительных диссертаций под вывеской так называемого «Экспертно-аналитического центра» (ЭАЦ) РАН. Будьте внимательны — к настоящей РАН эта структура не имеет никакого отношения, несмотря на многолетнее использование РАНовского логотипа!

Как будем выбирать

Уникальной особенностью нынешних выборов стала справочная система по наукометрии кандидатов. Национальная электронная библиотека создала удобный интерфейс на страничке elibrary.ru/kand_gas.asp, где каждый желающий может ознакомиться со списком научных работ кандидатов, их цитируемостью, индексом Хирша и другими показателями. Несомненно, эти показатели нужно применять с осторожностью, и они не заменяют экспертной оценки. Однако сам факт, что члены Академии могут с легкостью посмотреть, что писали кандидаты в РАН и насколько востребованы их работы, беспрецедентен.

Либеральность процедуры регистрации, информационная открытость этих выборов и наличие целого дня на раздумье — между голосованием в Отделениях и Общим собранием — делает выборы в РАН наиболее гласными и демократическими не просто за всю историю Академии, но и, пожалуй, во всех государственных российских институтах за последние 10–15 лет.

На предстоящих выборах в Российскую академию наук предстоит выбрать 171 члена-корреспондента и 76 академиков. Выборы проходят в обстановке беспрецедентной гласности

И кухарка может стать иноагентом

письмо из редакции

С

енатор Андрей Климов заявил, что статус иностранного агента в ближайшее время может быть распространен не только на СМИ, но и на физических лиц, распространяющих информацию в интернете. Соответствующие поправки будут внесены в законопроект о введении новых штрафов для массмедиа накануне его второго чтения. Климов, возглавляющий

комиссию Совфеда по защите государственного суверенитета, отмечает, что под действие закона попадут не только блогеры, «но и хоть кто — любой человек: частный предприниматель, пенсионер, домохозяйка». Для того чтобы Минюст заинтересо-

вался «любимым человеком», он должен получить финансирование из-за рубежа и сообщить на своей странице нечто «противоправное». Согласно действующему законодательству, иноагенты должны быть определенным образом маркированы, а в случае нарушения правил регистрации «агенту» грозят большие штрафы. До сих пор эта практика распространялась исключительно на организации.

На первый взгляд, фантазии Климова о домохозяйках-иноагентах — это очередное свидетельство некомпетентности властей, особенно в той ситуации, когда они пытаются регулировать интернет, которым сами не пользуются. Из высказывания сенатора следует, что блогеры для него являются особой социальной группой или профессией и что эта категория граждан не пересекается, например, с предпринимателями или пенсионерами. Ведение реестра блогеров-иноагентов Минюстом в свою очередь напоминает о позорно провалившейся попытке вести государственный реестр «распространителей информации», зарегистрироваться в котором успели лишь несколько сотен пропагандистов, после чего эта норма закона была официально отменена.

Однако в реальности хитрость senatorского разума работает сложнее. Отчего-то российские власти все еще не умеют прямо говорить о том, что вводят цензуру и запрещают гражданам высказывать любые точки зрения, отличные от официальных. Поэтому они, ссылаясь на «международный опыт», якобы наработанный в этом вопросе, бесконечно расширяют запреты, связанные со статусом иноагентов. Работать это правило в масштабах страны не сможет, но кого надо, можно будет привлечь. Граждане-иноагенты — это еще один из смыслов введения «суверенного Рунета», где право слова имеет исключительно начальство. Сначала они создали законодательную базу для цензуры, теперь вводят невыносимые правила для всех, кто высказывался в интернете.

главное направление
атаки — YouTube

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

На примере ФБК мы видели, что оказаться в списке иноагентов можно после того, как на ваш счет переведет любую сумму денег неизвестный вам иностранец: Навального так подставлял испанец, не говорящий по-русски. Новый закон Климова уже на этом уровне очень полезен, если вы хотите как следует запугать людей. Достаточно будет перевести популярным блогерам по 100 рублей из Белоруссии или Казахстана, чтобы им пришлось надолго замолчать.

Но главное направление атаки в данном случае, похоже, связано с YouTube — американским видеохостингом, который отравляет существование властям своей популярностью в России: его аудитория сопоставима с аудиторией федеральных каналов ТВ. Политические блогеры на YouTube получают небольшие деньги от американской компании за счет рекламы — около доллара за каждую тысячу просмотров. Любого из них можно будет признать иностранным агентом и предложить во избежание таких рисков публиковать ролики исключительно на ресурсах, расположенных в российской юрисдикции.

Что сказать, накануне принятия нового закона об иноагентах не забудьте оформить подписку на бумажную «Новую».

Кирилл МАРТЫНОВ,
редактор отдела политики

прикладная антропология

Юность 50 плюс

Поколение от 45 до 60 лет — самое депрессивное и самое изношенное

Наталья ЧЕРНОВА*

Я — целевая аудитория. Фейсбук сообщил мне об этом, прислав приглашение на городской фестиваль для людей 50 плюс. Под кодовым названием Young Old (закоренелый, давний, поношенный, поживший, обветшалый, опытный — варианты перевода слова old). Молодая старая — это, выходит, про меня.

Нет, никаких иллюзий по этому поводу я не испытываю. Но мой возраст — это возраст зрелости, а не «юной старости», как бы креативно ни звучал мой возрастной ценз в английском предьявлении.

Впрочем, прочь стилистические придирки. Я пошла на фестиваль с чувством скептического, но трепетного ожидания. Чего такого мне расскажут и покажут на большой площадке культурного центра ЗИЛа о том, что я сама не знаю?

Как и ожидалось, в основном рассказывали о перспективах, радостях, новых возможностях, о сложностях, кризисах, вызовах возраста и их преодолении. Все в тему. Местами было интересно, местами — не очень. Но в целом это было классное мероприятие. Нового, современного формата.

Но осадок остался. Его наличие у меня лично отнюдь не претензия к организаторам фестиваля. Это претензия к государственному тренду, который навязывает подмену понятий и ловко манипулирует сложнейшей социальной проблемой, возлагая ее решение исключительно на гражданина, вступившего в «возраст дожития». (Обожаю этот термин, используемый ПФР, который означает количество лет, которое вы проживете, выйдя на пенсию).

Это очень похоже на ситуацию, когда человеку, погруженному в глубокой депрессии, что является клиническим диагнозом, пытаются бодро советовать: «Ты что захандрил? А ну, возьми себя в руки, пойдем есть, пить, веселиться. Смотри, какой сегодня солнечный день, чертов ипохондрик!» (варианты текста приободрения могут быть разными). Однако никогда эти доброжелатели не предложат пойти к врачу и начать принимать лекарства.

Государственная инициация оптимизма в людях пред- и пенсионного возраста, возникшая как тренд аккурат после пенсионной реформы, выглядит цинично ровно потому, что никаких иных ресурсов, кроме мантры «старость меня дома не застанет», человеку не предлагает.

как-нибудь осилить
кредиты
до конца жизни

Ответственность за счастливую старость (главный месседж фестиваля) — дело рук самих стареющих со средней пенсией по стране в 15 тысяч рублей.

В эту сумму, видимо, должны вписаться (кроме банального выживания) и курсы йоги, и путешествия в иные города и страны, и новые хобби, и воплощение отложенных мечт.

Между тем идеологи российского тренда оптимизации пенсионного возраста умалчивают, что в России, как нигде больше в мире, распространена модель, которую социологи называют поколением сэндвича. Поколение сэндвича — это 45–60-летние люди, которые одновременно несут материальную и иную ответственность за своих повзрослевших, но еще не вполне самостоятельных детей и за стареньких, больных, но, слава богу, живых родителей. То есть они работают на два фронта, а в провинции зачастую и на три — это когда молодая бабушка еще и растит своих внуков, пока их родители уезжают на заработки.

Это поколение, по оценкам специалистов, самое депрессивное и самое изношенное в стране. Этим людям не то что думать о «новых возможностях», им бы хронические кредиты как-нибудь осилить до конца жизни.

Осваивать новые реалии возраста зрелому человеку по силам только тогда, когда возраст, кроме физиологических проблем, дает и ощущение свободы. Свободы от обязательств, от рутинной работы на износ, от хронических ограничений. Давайте честно: свобода с дырявым карманом — это иллюзия. Она даже у подростков заканчивается стремительно.

Поэтому не надо вдохновлять нас этой иллюзией. Лучше помогите материально.

Впрочем, мне лично государство обещало помочь. Через несколько месяцев я получу социальную карту предпенсионера и буду вдоволь кататься на метро. Даром.

* Автор — обозреватель «Новой».

& комментарии

вид сбоку

Анастасия МИРОНОВА*

О вопросах языкознания

Вес языка обеспечен всей мощью экономики и культуры государства

На заседании Совета по русскому языку президент заявил, что языку объявлена война. Объявлена она пещерными русофобами, которые искусственно вытесняют русский язык на периферию. С целью поддержания языка планируется заменить «Википедию» Большой российской энциклопедией («Википедию», видимо, придется для этого запретить, иначе не заменится), распилив на этом кучу бабла и проч.

Разрешите мне сообщить следующее. Русский язык действительно стремительно девальвируется как язык мировой культуры, и никто за последние 20 лет не сделал так много для этой девальвации, как сам Кремль. Потому что язык — это как деньги. Это знаковая система, и вес этой системы обеспечен всей мощью экономики и культуры государства.

Если экономика в развалинах, мозги бегут из страны, в школьных учебниках сообщают о происхождении людей от инопланетян, если главным экспортным товаром страны являются нефть, коррупция и международное насилие, то язык автоматически обесценивается.

Семена нынешней катастрофы, бесспорно, были заложены еще во время СССР.

В Российской империи языки покоренных ею народов были обречены на вымирание. Никакой злой воли в этом не было — подобное происходило во всех современных западных государствах.

Великобритания? Современный английский полностью вытеснил тот же кельтский. Франция? Еще в начале XX века в Бретани говорили на одном из кельтских языков — бретонском. Германия? Напомню, что пруссы были балтийским, а не германским народом, и что прусский язык окончательно вымер только в XVIII столетии.

Это естественный процесс: государство переваривает и подминает под себя языки. Взамен оно дает завоеванным этносам доступ к коллективной культуре и предоставляет им возможность карьеры. Блаженный Августин по происхождению был бербер. Вряд ли его имя осталось бы в истории, если бы он продолжал писать свои тексты на языке Югурты и Масиниссы.

Разнообразие языков характерно для регионов, где нет государства. В Новой Гвинее сосредоточено до половины современных языков мира, и это потому, что там до сих пор живут первобытные племена.

В этом отношении в Российской империи в XVIII—XIX веках происходил совершенно естественный процесс. Империя подминала завоеванные народы, вытесняя их языки и давая взамен доступ элите этих народов к одному из мировых языков — языку великой литературы, языку, на котором говорили ученые мирового уровня и на котором говорили правители государства, вмещавшего 10% населения Земли.

Если бы все это продолжалось, то к настоящему времени русский язык в России, так же как английский в Великобритании или французский во Франции, перемолол бы на большей части государства иные языки. И даже если бы в конце XX века империя прекратила существовать как единое политическое целое, для языка это было бы не очень важно. Это как Шотландия: даже если она отделится от Соединенного Королевства, то по-английски там говорить не перестанут.

В этом смысле победа большевиков была для русского языка катастрофой. Русская культура была уничтожена и изолирована от мира, а главное — большевики начали искусственное и фарисейское стимулирование национальных языков. Сделано это было потому, что большевики рассматривали Россию как плацдарм для мировой революции, и СССР, на гербе которого был изображен земной шар, был для них кристаллом, вокруг которого надо было наращивать новые ячейки: Германскую ССР, Французскую ССР, Болгарскую ССР...

В результате развал СССР оказался не только национальной, но и языковой катастрофой. Национальные республики отделились и зажили настоящей жизнью.

Однако что было, то прошло, и разбитого яйца не соберешь. Россия, несмотря на крушение СССР, оставалась метрополией, а русский язык — самым развитым и влиятельным языком на территории СНГ. Законами и пушками эту влиятельность больше поддерживать было нельзя, но оставалось три других могучих способа поддержки: экономика, культура и образование. Люди из стран бывшего СНГ по-прежнему готовы были ехать в метрополию учиться. И если бы Россия оставалась центром развитой экономики и развитых технологий, то и русский язык сам собой, без всякого Совета по русскому языку, сохранял бы свое первенство.

Безумная политика Кремля не оставила от этой возможности камня на камне.

Чем больше Кремль будет жить в параллельной реальности, тем меньше будет желающих говорить на языке, который эту реальность описывает

Язык — как деньги. В XIX веке национальная валюта любой страны была обеспечена золотом, сейчас она обеспечена экономикой. То же самое и язык.

Если бы Россия представляла из себя богатое преуспевающее общество, со стартапами, частными инвестициями, ведущими мировыми университетами (как, например, Китай), то русский продолжал бы оставаться главной языковой валютой по крайней мере на пространстве бывшего СНГ, а то и всей Восточной Европы. Было бы круто учить русский, как сейчас круто учить китайский.

Чем больше Кремль будет жить в параллельной реальности, тем меньше будет желающих говорить на языке, который эту реальность описывает, и главным пещерным русофобом, который ведет войну против русского языка — а заодно и против русской экономики и русской культуры, — является сам Кремль.

Юлия ЛАТЫНИНА
обозреватель «Новой»

Нары с парковкой

В 1928 году молодой советский архитектор Лазарь Чириковер поступил на работу в строительный отдел ОГПУ НКВД. Там он 10 лет изучал передовые наработки видных профессионалов по части укладывания людей штабелями. В это же время другой деятель по имени Нафталий Френкель, сам вкусивший воздух трудового севера, скрупулезно рассчитывает для ГУЛАГа, сколько кубических сантиметров воздуха нужно на одного заключенного. Разработки этих двух великих специалистов легли в основу идеи физиологического минимализма при проектировании жилья. Сколько требуется места, чтобы вытереть себя полотенцем? А если ужавшись? А если вытираться в ванне? В какой проем пролезет гроб? А если боком? Сколько, наконец, у среднестатистического гражданина друзей, которых он может позвать к себе на день рождения? Пять? Отлично, двое сядут на подоконнике.

Подобные расчеты, проведенные для ОГПУ, легли в основу проектирования хрущевок. Бежав из последних, мы, наконец, забыли и про Лазаря Зиновьевича, и про Нафталия Ароновича. Вздохнули, отряхнулись, собрались жить дальше, но не тут-то было. Всплыли наши специалисты в области рассовывания живых людей по коробкам в самом неожиданном месте.

А именно — в сюжете «России 24» о появлении в Москве новостроев с квартирами площадью 11,6 кв. м. Рассказывая о столь выгодном предложении на рынке жилья, корреспондент Зинаида Курбатова показала наработки тех самых столпов физиологического минимализма от ОГПУ. Еще бы Курбатовой их не знать — дед ее, академик Лихачев, отсидел в Соловецком лагере вслед за Френкелем.

Версия Зинаиды Курбатовой вполне правдоподобна: не будет же московский застройщик целый институт нанимать и год рассчитывать, сколько нужно человеку сантиметров пола, чтобы вытянуть во всю длину ноги, если за него все посчитали в ОГПУ? Нацисты вон тоже в свое время не стали мучиться — взяли советские наработки, да и делов. Оптимизация расходов.

Коробка, построенная в Москве по всем законам физиологического минимализма, стоит 2,9 млн рублей. Или 250 тыс. рублей за квадратный метр. И это еще дом не завершен. Перед нами апофеоз российского даунсайзинга: у нас уже с целью скрыть инфляцию и падение доходов уменьшили все, что можно уменьшать: хлеб стал по 300 г, сливочное масло — по 175, молоко — по 875. Теперь и новостройки по 11,6 кв. м. Зато возле дома предусмотрена парковка и детский сад неподалеку.

У наших людей есть какой-то изъян. Что-то нехорошее. Да, и в Пекине, и в Шанхае живут в квартирах даже по 5 кв. м. В Лондоне я была в отдельной квартире площадью 6,5 кв. м. Но ее хозяин жил на пособие беженца, и во дворе дома не стояли новые машины. Квартир по 11 квадратов в России пока не строили, но дома с «однушками» в 25 квадратов и «двушкой» на 35 имеются давно. В нашем районе стоит такой с конца 2000-х, его двор заставлен машинами последних лет выпуска. Что все эти обладатели новых «хонд» и даже «ауди» делают в своих клетушках? Они, наверное, живут в машине. Это важнее. Какая у тебя машина, видят все, а теснота в доме? Да разве ж мы не в тесноте-то жили?

У россиян нет традиции комфортной жизни. Просто не было еще в стране периода, когда бы значительная часть граждан имела отдельное жилье. С точки зрения населения, которое 100 лет назад перебралось из изб, где вдесятером спали вповалку, в коммуналки и бараки, весь минувший век оно испытывало одно сплошное улучшение жилищных условий. И до сих пор якобы испытывает. Многие семьи живут в квартире трех поколений, куча народа доживает век в домах без канализации и в общежитиях. Для них отдельные 11,6 квадрата — уже квартира. На такую квартиру копят. Коммуналки же переделывают в «студии» по 10–15 метров, в Петербурге давно их продают. Просто новые, с нуля, строить не догадались. Вернее, не облагели достаточно.

Но все впереди. Есть еще уникальные наработки лондонских девелоперов конца XIX века. Они просто натягивали через помещение веревку и пускали за один пенни на нее опереться, чтобы не упасть во сне на пол. На одной веревке может спать до десяти человек. Это хозяйке на заметку.

* Автор — журналист.

«Искал любую ВОЗМОЖНОСТЬ»

Интервью фигуранта «московского дела» Айдара Губайдулина — из Вильнюса

Айдар Губайдулин, 26-летний программист и фигурант «московского дела», 17 октября уехал из России. Его обвиняли в том, что он кинул пустую пластиковую бутылку в сторону росгвардейца. Следствие считало это «покушением на применение насилия в отношении представителя власти» (ч. 1 ст. 318 УК). 18 сентября Губайдулина изменили меру пресечения с ареста на подписку о невыезде, а дело вернули в прокуратуру. Всего через месяц ему предъявили новое обвинение — «угроза насилия в отношении представителя власти». В первом большом интервью после отъезда Айдар рассказал корреспондентке «Новой», как принял решение об отъезде, чем он будет заниматься за границей, и вышел бы он на митинг 27 июля в Москве, если бы знал, что его ждет.

— Я не буду тебя спрашивать, естественно, как ты уехал. Попрошу тебя рассказать то, что можешь рассказать о твоём отъезде.

— Обо всем рассказывать я не буду, конечно, меня и попросили не рассказывать.

Сейчас я нахожусь в Вильнюсе и собираюсь здесь остаться на ближайшие месяцы, может быть, на ближайший год или два — там уже время покажет.

— Информация о новом фигуранте «дела 212» появилась в начале августа: 8-го числа у тебя прошел обыск. Почти сразу мы узнали, что ты программист, позже узнали, что ты работаешь в Сбербанке. Можешь рассказать немного о себе того, что мы не знали о тебе до событий этого лета, что-то до этой жизни?

— Я родился в Уфе, после школы поступил в МФТИ и приехал в Долгопрудный, потом переехал в Москву. МФТИ я окончил в 2018 году и остался жить и работать в Москве. Купил квартиру, жил один, и вел обычную жизнь обычного человека: ходил на работу, ходил на тренировки и ходил на митинги, на этом моя активность заканчивалась. Никаким активистом я не был, ни в какой политической или общественной организации не состоял. И на митинги ходил я и один-два моих друга максимум.

— А почему ходил на митинги и на какие?

— Мой первый митинг был «Он вам не Димон», 2017 год. С тех пор я старался не пропускать какие-то большие митинги. Ходил, потому что если не ходить, то жить будет становиться все хуже и хуже. Власти нужно давать понять, что то, что они делают, — это ненормально, что просто так наблюдать ухудшение жизни, какие-то бредовые законы, — это не нормально.

Не нужно это терпеть, нужно давать какую-то обратную связь, высказывать свое недовольство.

— Буквально за несколько дней до того, как ты уехал, мы с тобой договаривались об интервью: это было из-за того, что тебе анонсировали предъявление нового обвинения. И действительно, его предъявили, 15 октября. До этого была апелляция на приговор Константину Котову. Ты был у него на суде?

— Это было 14 октября, понедельник, это был мой первый рабочий день после отпуска. Как раз тогда утром задержали четырех новых фигурантов, а вечером была апелляция Котова, да.

— Когда ты уехал, ты написал, что апелляция на приговор Котову стала одним из двигателей твоего отъезда. На тебя это так сильно повлияло?

— На меня это очень сильно повлияло. Несмотря на то, что я Костю не знаю, я о нем услышал только благодаря всем

этим событиям, сам факт того, что человек за абсолютно мирные пикеты, не нарушая закон, получил четыре года лишения свободы, меня это просто потрясло, и я был очень потерян и очень расстроен тогда.

— Я не знаю, как это правильно спросить, но это стало скорее поводом уехать? Причиной было новое обвинение, которое тебе предъявили?

— Я думаю, что все вместе повлияло. То есть, конечно, я думал, что мое дело Следственный комитет закроет, и когда выяснилось, что закрывать его никто не планирует и что мне просто изменили обвинение, я понял, что дожидаться суда смысла точно нет, потому что это не суд, это судилище, и на справедливость не приходится рассчитывать вообще. Мои изначальные планы были уехать, если дело дойдет до суда, то есть, не дожидаясь суда. После того, как прокуратура передаст дело в суд, я хотел уехать.

— Вечером в день твоего отъезда в квартиру твоей семьи в Уфе пришли с обыском, а потом вызывали на допрос. Это в итоге ни во что не вылилось?

— Насколько я понимаю, поскольку я уехал, Следственный комитет должен провести какие-то действия. Они взломали мою квартиру и пришли с обыском в квартиру родителей. Потом были до-

« Я понял, что дожидаться суда смысла точно нет, потому что это не суд, это судилище, и на справедливость не приходится рассчитывать вообще »

просы всех членов семьи. Это ровно то, что они должны были сделать. Они же не могут забить, типа, уехал, и все.

— Когда ты уехал, ты написал пост о том, что это решение тебе далось очень нелегко, что ты патриот, любишь Москву и Россию. Написал, что ты полезнее своей стране на свободе в эмиграции, чем в заключении тут. Можешь пояснить, что это значило?

— Это значило то, что я до последнего искал любую возможность, чтобы остаться. Мне десятки людей писали после того, как я освободился 18 сентября, чтобы я собирал вещи и сваливал. Я не хотел этого делать — расчет был на то, что мое дело закроют. Я очень люблю Россию, очень люблю Москву, мне нравится там жить. У меня все только начало налаживаться в жизни, и я был вынужден уехать. Здесь я буду, конечно, намного полезнее на свободе. Сейчас я уже помогаю «Арестантам 212».

Айдар Губайдулин
дает интервью «Новой»
через Skype

— Ты стал участником проекта?

— Да, я как один из организаторов: занимаюсь чуть-чуть инстаграмом, чуть-чуть сайтом, какие-то тексты пишу.

— Решение об эмиграции тебе далось тяжело, особенно понимая, что неизвестно когда ты сможешь вернуться и сможешь ли вообще?

— Да я бы не сказал, что особо тяжело. Санглийским у меня хорошо, моя профессия мне позволяет спокойно уехать и найти здесь работу. И более того, я давно уже хотел, может быть, не переехать в Европу,

ко это правильно, что свои вступаются за своих, а не поддерживают всех. Какие-то арестанты получают гораздо больше поддержки, а какие-то — сравнительно забыты. Как считаешь, это правильно или неправильно — цехово объединяться?

— Я считаю, что общество в целом должно вступаться за всех несправедливо осужденных. Но гражданское общество в России в таком зачаточном состоянии находится, поэтому, нужно порадоваться тому, что у нас есть хотя бы цеховая солидарность, что хоть кого-то удастся отбить. Но, конечно, плохо, что про некоторых фигурантов вообще не знают, про некоторых говорят очень мало. Я говорю не только про «московское дело», но и про другие дела. Чем богаты, как говорится.

— Ты сначала обвинен в участиях массовых беспорядков, но потом обвинение переквалифицировали. Сейчас единственный фигурант, которому предъявляют только 212-ю статью, — Сергей Фомин. У остальных есть 318-я. Теперь это не «дело 212», а «дело 318».

— Я не знаю насчет новых фигурантов, но, насколько мне известно, обвинение по 212-й статье до сих пор живо, мое дело не закрыли. Единственный фигурант, которого обвиняют только по 212-й, — Сергей Фомин. В отношении остальных фигурантов эти дела тоже есть. Дела по 318-й статье передают в суд и выносят приговоры, но «дело 212» живет, просто его не передают в суд. И, может быть, по нему временно приостановлено следствие или следствие идет, и они собирают новые факты, я не знаю.

— С момента освобождения первых фигурантов было огромное количество мероприятий, посвященных этому, и вы с другими бывшими фигурантами — Владом Барабановым, Даниилом Кононом, Валерием Костенком, Алексеем Миняйло — много где появлялись вместе. Успели за это время подружиться с кем-то?

а, допустим, на два-три года просто поездить по Европе, пожить там по месяцу, по два в каждом городе, хотя бы в столицах. Просто посмотреть мир. У меня были такие планы. И тут этим планам суждено было сбыться.

— Подвернулась возможность удобная. Расскажи тогда немного о работе. Мы знаем, что ты программист в Сбербанке. Чем ты там занимался?

— Мой отдел занимался разработкой инфраструктуры для того, чтобы запускать модели машинного обучения. Машинное обучение — такая очень модная штука, его применяют везде, где только можно сейчас, и у банка таких моделей очень много. Нужен был какой-то унифицированный подход, чтобы эти модели эксплуатировать, запускать, менять и все такое. И как раз моя команда этим занималась.

— Что ты думаешь о цеховой солидарности? Сейчас очень много споров, насколь-

ОСТАТЬСЯ»»

— Когда вы проходите вместе через подобные испытания, это все равно объединяет, как ни крути. Ко всем фигурантам я отношусь с теплотой. И я думаю, нечто подобное было и среди фигурантов «болотного дела», они тоже все дружат и считают себя, не знаю, соратниками.

— Меня история Сергея Фомина интересует еще по одной причине. Он был сборщиком подписей у Любови Соболь, этим летом впервые столкнулся с политикой. Когда он пошел сам сдаться в СК, многие писали, что он провокатор, потому что он обвинял Соболь и Навального за то, что они вывели людей и не предупредили их, как вести себя на митингах. Он сказал, что никогда не слышал про «болотное дело» и не знал, какие последствия могут быть. Как ты считаешь, есть ли перед лидерами оппозиции задача объяснять людям, как вести себя на митингах, что нельзя делать на митингах?

— Это очень сложный вопрос, конечно. Потому что, с одной стороны, не хочется агитировать за насильственный подход на митингах — я вообще не думаю, что это правильно. С другой стороны, вот такими мирными митингами... Ну, единственное, что остается — это мирные митинги. Конечно, нужно было предупреждать.

Я могу сказать, что после «болотного дела» был некий резонанс, тогда об этом все знали. Но прошло достаточно много лет с тех событий, и в протестном движении появились новые люди, в том числе молодые люди, которые про «болотное дело», может быть, и слышали, но толком ничего про него не знают. Соответственно, у них чувство опасности атрофировано, они с этим сами не сталкивались, поэтому у них нет представления о том, что может быть и чем это может грозить им. Поэтому предупреждать, конечно, нужно было.

— Зная сейчас, во что все вылилось за последние месяцы, ты бы сам стал выходить 27-го на митинг? Понимая, что можно ничего не сделать и стать фигурантом уголовного дела?

— Я бы однозначно стал выходить на митинги, просто я бы не стал ничего кидать и держал бы себя в руках, как, собственно, всегда и происходило. Просто я прокомментирую конкретно ту ситуацию, которая произошла около Детского мира [эпизод, из-за которого Айдар преследует: там он кинул в представителя власти пластиковую бутылку].

Когда на твоих глазах избивают людей дубинками, там Инга Кудрачева была, их [Ингу и ее молодого человека Бориса Канторовича] волокли по земле, и у тебя возникает какое-то ощущение бессилия, но в то же время стоять и снимать на камеру... От этой мысли, что ты просто будешь стоять и снимать, так мерзко.

В то же время у тебя есть страх, что если ты сделаешь что-то, тебе прилетит, на тебя заведут дело. Поэтому этот бросок бутылки — это было такое спонтанное эмоциональное решение, чтобы сделать хоть что-то, чтобы хоть как-то высказать свое недовольство и показать, что то, что делают сотрудники полиции, — это ненормально.

— Некоторые люди думают: «Ну, этот хотя бы урну/бутылку/стаканчик кинул, а вот тот ничего не сделал». Ты как считаешь, кинуть стаканчик в представителя власти — это «что-то сделал»?

— Когда я был в СИЗО, я даже допускал: ок, я кинул, вот считайте это покушением или насилием. Но давать за это два-три года лишения свободы — это просто вне рамок вообще человечности. Как раз на «Арестантах-212» проанализировали все приговоры по 318-й статье за 2018 год, и там люди получали такие же сроки, как Данил Беглец (два-три года), только если

они рецидивисты, уголовники, если они с топором на сотрудника полиции бросились... Человек, который толкнул кого-то, кинул в полицейского что-то вроде стаканчика, максимум штраф получал. Я думаю, не может быть никаких сомнений, что это дело полностью политическое и полностью сфабрикованное.

— Сколько ты провел в СИЗО?

— 41 день.

— Как думаешь, какова вероятность того, что ты сможешь вернуться в Россию, учитывая, что ты в международном розыске, заочно арестован, уголовно преследуешься до сих пор?

— Ну, думаю, в ближайшие годы я точно не вернусь. Я думаю, нужно ждать каких-то событий в политической жизни, смены власти, смены главы государства, каких-то процессов над теми людьми,

« Ни на что мой отъезд особо не повлиял. Я не какая-то там политическая фигура федеральных масштабов, я один из 25 фигурантов и конкретно на меня всем пофиг »

которые были причастны к «московскому делу», к фабрикации дел, к приговорам, к следствию. Тогда, может быть, уже можно будет говорить о возвращении.

— Что думаешь об обвинениях в том, что ты как якобы подставил других заключенных, теперь их не будут отпускать под подписку?

— Я думаю, что конкретно мой отъезд ни на что не повлиял, я же не первый человек, который сбежал из-под подписки в истории современной России. Люди сбегают и из-под подписки, и из-под домашнего ареста, и из-под личных поручительств. Ни на что мой отъезд особо не повлиял. Я не какая-то там политическая фигура федеральных масштабов, я один из 25 фигурантов и конкретно на меня всем пофиг.

И более того, у нас не прецедентное право, и институт домашнего ареста и подписок о невыезде будет существовать. То есть не вижу каких-то проблем особых. А сидеть и ждать, когда мне дадут два года за пластиковую бутылку, ну... Я хочу всем советникам передать, что вы в такой ситуации окажитесь и потратите пару лет своей жизни просто ни на что. От того, что я бы сел, никакой пользы для общества и для других фигурантов не было бы абсолютно.

— Расскажи, чем ты планируешь, помимо основной работы и этой активности, заниматься в ближайшее время. Какие-то планы есть у тебя?

— Ну, собственно, вот и все мои планы. Я сейчас ишу работу, надеюсь, очень скоро ее найду, начну как-то обустривать свою жизнь. Сейчас я снял квартиру, завтра у меня переезд. И в свободное время буду заниматься помощью по «делу 212». Вот как-то так. Слюдьми общаться, в конце концов.

Беседовала **Лилит САРКИСЯН**,
«Новая»

ПОД ПРЕССОМ

Минюст ликвидировал крупнейшую некоммерческую организацию, занимавшуюся проблемами народов Севера

Коренных рубят

ПОД КОРЕНЬ

csipn.ru

Родион Суляндзига

Мосгорсуд удовлетворил иск Минюста о ликвидации Центра содействия коренным малочисленным народам Севера. До своего 20-летия крупнейшая организация, занимавшаяся проблемами народов российской Арктики, не дотянула полгода.

Расправиться с Центром удалось со второй попытки: в 2015 году его признали «иностранным агентом», но, вопреки распространенной практике, НКО не только не стала самоликвидироваться, но и добила исключения из этого реестра три года спустя.

Сейчас ЦС КМНС — ведущая экспертная организация, которая помогает коренным народам Севера, единственная, имеющая специальный статус и аккредитацию при агентствах и структурах ООН — таких как ЮНЕСКО, Программа по окружающей среде, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Экономический и Социальный Совет.

«Высшую меру» в этот раз применили по сугубо формальным основаниям. Как рассказал «Новой» директор НКО Родион Суляндзига, в вину организации поставили неактуальный юридический адрес и устаревшие положения устава. Ответчик прямо на судебном заседании представил документы, необходимые для устранения этих недостатков, но Мосгорсуд отказался давать время на внесение изменений.

Был, впрочем, у истцов еще один, совсем уж удивительный аргумент против Центра — проведение семинаров без лицензии. То есть, по версии Минюста, любая организация, которая проводит некие тренинги, например, по журналистике, волонтерству или выходу в астрал, обязана получить лицензию на образовательные услуги. Понятно, что никаких образовательных услуг Центр не предоставлял, его основная деятельность — экспертиза и правовая помощь. Понятно и то, что других причин, чтобы вызывать у государства желание срубить коренных под корень, не нужно. Суляндзига считает, что погубили организацию два фактора:

— Первый — освоение Арктики. Промышленное освоение. При котором нарушаются земельные и экологические права коренных народов. Мы эти права отстаиваем. Поэтому нас и убирают как неудобных, — говорит Родион.

Промышленное освоение арктических ресурсов действительно все чаще упирается в права исконно проживающих на северных территориях народов. Если при советской власти «аборигенов», занимающих

своими оленями пастбищами территорию добычи полезных ископаемых, в 24 часа ссылали в резервацию — как произошло, например, с кольскими саами, то сейчас большие ставки бизнес-гигантов на заполярные земли порой бывают биты упорством и грамотной адвокатской поддержкой коренных. Так, этой осенью удалось запретить добычу золота, планировавшуюся в сердце национального парка «Югыд ва» в Коми. Так, те же саами упрямо пытаются изгнать со своих пастбищных земель частное охотничье хозяйство, и в этой борьбе дошли до ООН.

Кстати, их голос слышали: на днях мурманскому губернатору Чибису по поручению председателя Постоянного форума по вопросам коренных народов ООН направлено письмо с настоятельной просьбой — организовать посещение региона экспертной группой для оценки ситуации с правами коренных народов.

— Это вторая причина нашей ликвидации — наше членство в международных организациях, — говорит Родион Суляндзига. — Мы делаем большую работу, у нас есть прямой выход на структуры ООН, и конечно, это тоже могло не понравиться нашим оппонентам.

Сам Родион с противодействием по этой линии уже сталкивался, причем в очень радикальной форме — в 2014 году он не смог выехать на всемирную конференцию коренных народов мира в Нью-Йорк, так как, предъявив паспорт на погранконтроле, получил его назад без одной страницы.

На сайте Центра опубликовано открытое письмо против давления на организацию и ее руководство. Происходящее прямо названо местью за отстаивание прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, команда Центра обещает при любом исходе продолжить свою работу. В противном случае защиты коренным народам, ставшим последним барьером на пути безжалостной эксплуатации арктических ресурсов, искать будет просто негде.

За период между переписями 2000 и 2010 гг. Россия уже потеряла два народа — полностью исчезли алаторцы и керекы. У черты исчезновения с национальной карты страны оказались еще более десятка этносов, численность каждого не превышает 2000 человек.

Татьяна БРИЦКАЯ,
соб. корр. «Новой»
по Заполярью

20 сентября около 14.10 на телефон дежурному отдела вневедомственной охраны по Тотемскому району Вологодской области поступил звонок. Звонил начальник отдела майор Олег Зайцев. О чем он говорил с дежурным, в Росгвардии скрывают. В указанное Зайцевым место выехал его подчиненный, лейтенант Сергей Ивашкин. Он и обнаружил тело.

Вскоре фото рапорта о происшествии, подписанного подполковником войск национальной гвардии А.В. Гетмановым, появилось в telegram-канале «Омбудсмен полиции». Контекст был не то чтобы злорадный, но какой-то издевательски-деловитый. Известие о гибели сотрудника Росгвардии смешалось с контекстом происходящих в Москве избиений-задержаний, и получилось как будто выпуклое, злободневное сообщение. В этом же рапорте приводился еще один эпизод: в тот же день было обнаружено тело майора Ивановского МОВО (межмуниципального отдела вневедомственной охраны) Дмитрия Патраничева. Он также покончил с собой.

Два сотрудника Росгвардии (с 2016 года вневедомственная охрана стала частью Национальной гвардии РФ) покончили жизнь самоубийством в один день — такое совпадение говорит, что в ведомстве генерала Золотова, очевидно, не все в порядке. 21 сентября официальный представитель Росгвардии Валерий Грибакин сообщил, что в службе началась проверка, в ходе которой будут выяснены все обстоятельства и причины произошедшего.

Между тем на официальной странице Следственного комитета РФ по Вологодской области о смерти Олега Зайцева не было сказано ровным счетом ничего. О гибели начальника вневедомственной охраны не написала даже районка «Тотемские вести». «Я думала разыскать какую-то официальную информацию, — рассказала мне главный редактор Маргарита Неклюдова. — Но официальной информации до сих пор нет, и даже в сводке происшествий ничего не было».

Олег похоронен на городском кладбище, в новой его части, у дороги. С фотографии на простом деревянном кресте скучно смотрит крепкий мужчина в полицейской форме. Такая фотография обычно висит на Доске почета в коридорах казенных учреждений. Под фото лаконичная подпись: «Зайцев Олег Васильевич 18.05.1973—20.09.2019». Взрыхленную землю прикрывают венки: «От ФГКУ УВО ВНГ России по Вологодской области», «От коллег», «От родных».

К 22 сентября примерно такая же фотография была удалена с официальной страницы вневедомственной охраны по Тотемскому району.

29 октября Зайцев хотел собрать всех ветеранов полиции отпраздновать день вневедомственной охраны, а теперь все собрались на день позже — на сороковины начальника.

В биографии Олега Васильевича Зайцева нет ничего выдающегося. Его мать, Валентина Ивановна, жена Ольга и старший сын Дима отказались со мной общаться — когда я приехала в Тотьму, прошло всего несколько дней после трагедии. Так что портрет майора я собирала по воспоминаниям бывших сослуживцев, соседей и знакомых.

Олег Зайцев пришел в полицию примерно в 1998 году после окончания Вологодской молочно-хозяйственной академии (ВГМХА им. Верещагина). В 90-е в Тотьме можно было пойти работать на пилораму, а можно — в полицию. Работать в МВД тогда было некому, поэтому Олега с его положительной биографией (хорошо учился в школе, ездил

в «Артек», мама — школьная учительница, отец работал в лесхозе) взяли сразу на должность начальника.

Жизнь у Зайцева, в общем-то, сложилась. Как сказали соседи: «Здоровые дети, жена красавица, пенсия через год и загородный дом с баней». Сам — начальник в полиции, жена Ольга, с которой они были вместе со студенческих лет, — заместитель председателя в Комитете по сельскому хозяйству в тотемской администрации. Двое сыновей: старший Дмитрий учится на третьем курсе в Вологодском государственном, младший Никита — старшеклассник. Сначала жили в трехкомнатной родительской квартире, несколько лет назад переехали в трешку в Северном переулке, это элитный городской микрорайон из кирпичных малоэтажек. А старую родительскую квартиру стали сдавать. Помимо этого, Зайцев строил загородный дом на фамильном участке где-то рядом с Тотьмой.

Ну, то есть по местным меркам Зайцевы были не из бедных, из обеспеченной прослойки. Именно тут жители Тотьмы стали искать корни страшного решения полицейского начальника.

«Сказали, что сначала проверка была из Вологды и на него там накопили. Тут можно задуматься, что человек не по средствам жил, согласитесь? Машина у него и одна, и вторая. И «Нива» у него есть, и иномарка какая-то. И вневедомственная машина есть. Покупать квартиру, тут же строить загородный дом — это все недешево», — рассуждает бывшая соседка Зайцевых, выгуливая кошку на крыльце своего дома.

Однако в личной беседе с соседкой Зайцевых Натальей Ивановной Кореневой лейтенант Сергей Ивашкин, ныне исполняющий обязанности начальника отдела вневедомственной охраны, отрицал проверку из Вологды.

Впрочем, далеко не все в Тотьме соглашались с тем, что майор мог убить себя из опасений понести ответственность за то, что его семья попросту не нищенствовала. Есть и другая версия. Журналистка вологодского портала Ranpress.ru Юлия Лаврова, ссылаясь на знакомых нацгвардейцев, сообщила: «В городе говорят, у него были проблемы с головой. Два месяца назад он застрелил собаку соседей. Они хотели отправить его на психоневрологическую экспертизу, а это значило бы потерять работу».

Версия с собакой также не нашла подтверждений: я поспрашивала соседей, но никто из них так и не смог сказать мне, чью же собаку застрелил Зайцев. Да и вообще он, судя по всему, не был конфликтным человеком.

Вневедомственная охрана своим молчанием демонстрирует, что в тихой Тотьме ничего такого не произошло: по городу продолжают ходить эти слухи про собаку, руководство молчит, тем самым подчеркивая, что причиной трагедии, которая похожа скорее на протест, чем на просто добровольный уход, стала ба-

Между тем на официальной странице Следственного комитета РФ по Вологодской области о смерти Олега Зайцева не было сказано ровным счетом ничего

нальная ссора. Но предсмертный звонок майором был сделан не родным, а именно в свое ведомство.

В деревянном бараке у лестницы темно, из квартир просачиваются запахи прогорклого масла и беляшей. Стучу в квартиру на первом этаже, которую Зайцевы сдают.

Гаражный кооператив в Тотьме. Здесь обнаружили тело майора Росгвардии Зайцева

В тихой Тотьме свел счеты с жизнью начальник отдела вневедомственной охраны Росгвардии. Ведомство ведет себя так, будто ничего не произошло. Но предсмертный звонок майор сделал не родным, а именно сослуживцам

Портрет

— Здравствуй! — Дверь мне открывает тучная женщина. В квартире душно и тесно, хоть и три комнаты. Стены отделаны пластиковыми панелями. По узкому коридору рассекает трехлетняя девочка на трехколесном велосипеде. Везде раскиданы вещи.

— Знаете что-нибудь про Зайцевых? — Это кто?

Квартиру снимает дочь женщины, она сама об арендодателях ничего не знает, и я даже не смогла уточнить у нее, сколько же стоит аренда такой квартиры. Но поняла одно: если Зайцевы до недавнего времени жили здесь, то жизнь их роскошной назвать сложно.

В соседней квартире живет водитель скорой с родителями, на втором этаже барака — сотрудник Росгвардии, collega Зайцева. Для справки: у тотемского

Максим, парень в поношенных кедах и новой парке. Максим окончил 11 классов районной школы, чем уже выделяется из среды сверстников. Обычно местные парни после 9-го класса идут в местное политехническое училище — и следом армия. Максим работает с отцом на машине, что-то развозит по городам. Говорит, в следующем году будет поступать в питерское училище. В какое — не имеет значения, главное — Питер. В Питере жизнь бьет ключом, а Тотьма будто в летаргии.

По выходным люди не выглядывают из дома, даже в спортивной коробке никто не гоняет мяч. Есть движ около кафе «Калифорния» в центре городка: корпоратив. Название кафе — реверанс в сторону калифорнийского города-побратима Бодега Бэй. Да, у глухой, слякотной Тотьмы в Америке, в самом солнечном, белозубом штате есть побратим. 200 лет назад тотемский мещанин Иван Кусков стал комендантом крепости Росс в Калифорнии, а семь лет назад в Тотьму приехали индейцы племени Кашайя — потомки жителей крепости. Оставили после себя небольшой уголок с фотографиями в местном музее. А больше о Калифорнии в Тотьме ничего не напоминает: в меню кафе из американских специалитетов только картошка фри и хот-дог. За прилавком громкая продавщица в накрахмаленном чепце, утром здесь толпой завтракают школьники, а по телику круглосуточно крутят «Три богатыря».

Наталья Ивановна Коренева — приятная женщина с короткой стрижкой — была знакома с Олегом Зайцевым с детства: играли в одном дворе, хотя и друзьями не были. Коренева работает экскурсо-

С фотографии
на простом
деревянном кресте
скучно смотрит
крепкий мужчина
в полицейской
форме

Зайцев Олег Васильевич
18.05.1973 – 20.09.2019

Майора

водом в краеведческом музее, охрану которого обеспечивало подразделение Зайцева. Последние два месяца Наталья Ивановна плотно работала с Олегом Васильевичем — оформляла паспорта безопасности на объект.

— Причем у меня в памяти нет других начальников вневедомственной охраны, кроме него. Он очень рано пришел на должность. Вот я 26 лет работаю в музее, мне кажется, я всю жизнь на этой должности его помню. — Мы сидим с Натальей Ивановной в краеведческом музее, в зале Отечественной войны. Стены неаккуратно выкрашены в черный цвет — эффект сгоревшей хаты, сверху символично свисают цветущие ветви бутафорской черемухи.

21 сентября Наталья Ивановна ехала домой, возвращалась из командировки. Еще в дороге, когда появилась мобильная связь, она обновила «Яндекс»-новости и узнала, что Зайцев погиб.

— Сутки прошли, нам никто из знакомых так и не сообщил, что произошло. Мы уже сами стали звонить знакомым: «Неужели это Олег Васильевич?» Нам сказали, что да.

Зайцевы и Коренева живут в соседних домах в Северном переулке.

— В воскресенье я случайно, выйдя на балкон, увидела, что идет процессия. Вся улица была заставлена машинами, — говорит Наталья Ивановна.

В Тотьме людей в последний путь провожают всем городом. Знал ты, не знал человека — все равно каждый день видел его, когда шел на работу или с работы. Гроб Зайцева был открыт, но обезображенное тело было прикрыто белой тканью. На похороны слетелись свои: сослуживцы, ветераны. Остальные — знакомые, соседи — конечно, тоже бы пришли. Но смерть Зайцева была оку-

ван самодельный «зверь» — пятнистые «Жигули» на огромных колесах.

Видно, что Пономарев — человек с руками.

В выцветших штанах с лампасами и застегнутой на все пуговицы рубашке Сергей отесывает доски в прихожей, рядом на полу орет телевизор. «Можно ваше удостоверение посмотреть?» — «Обнюхивает» он меня.

«Чего ты девушку морозишь? Почему чаем не поишь?» — кричит из цветника жена Сергея Анна, бодряя женщину в старом спортивном костюме.

Тотьма будто в летаргии. По выходным люди не выглядывают из дома, даже в спортивной коробке никто не гоняет мяч

тана молчанием, и о том, что односельчанина уже похоронили, многие узнали уже после.

Наталья Ивановна вспоминает: в работе Зайцев был спокойным и ответственным, «дотошно проверял каждую букву». Мог сорваться на работу даже в выходной. Как-то раз Коренева обсуждала с Зайцевым его грядущий отпуск, тот поделился: «Вот после дня города мы уезжаем на юг. Я, конечно, это не люблю. Мне интереснее заниматься своим хозяйством...»

Впрочем, вместе с тем, как говорит Коренева, Зайцев с нетерпением ждал пенсию: «Да я сильно не переживаю, вот через год я уже буду полноценным пенсионером». — «Ничего себе! Ты же моложе меня, а уже будешь на пенсии».

Бывший сослуживец Зайцева Сергей Пономарев живет в добротном бревенчатом доме на окраине Тотьмы. Он 30 лет проработал старшим группы задержания, ушел на пенсию три года назад в звании старшего прапорщика. За три года на пенсии Пономарев построил баньку, провел канализацию, сейчас занимается ремонтом в своем доме. У калитки припарко-

И вот мы сидим в уютной кухне, пьем чай, обсуждаем будни провинциальной полиции.

— Соседка рассказывает: «Иду по городу, Сергей на машине проезжает. Арядом два пацана лет по 17, крепенькие такие. Один другому говорит: «Видел? Это Пономарев едет, мент, на машине». Второй: «Ну?» — «Пономарев его фамилия. Блин, он раз меня догонял — я, короче, чуть не описался!» — смеюсь, вспоминает Анна. — Ему 50, а тому 17. Он с пистолетом и в бронежилете их догнал.

Анна — бывший преподаватель физкультуры в местном колледже.

— У меня группы все парнячие-то были. Молодежь 17–18 лет, охота где-то побуйствовать, энергию выплеснуть. Муж приезжает с дежурства, рассказывает, что мои опять шкодничают. Я его прошу: «Только не забирай в обезьянник, не увози. Пусть в общагу топают». Утром я их вызываю (стучит пальцем по столу): «Были?» Они: «А вы откуда знаете?» — «Ну, мало ли, откуда я знаю». Лекцию им прочитаю — они на время успокаиваются.

О Зайцеве Пономаревы вспоминают хорошо. Говорят, «был начальником круглосуточно», поэтому и выгорел.

— Только с положительной стороны могу про него сказать, — рассуждает Сергей о своем коллеге. — Никаких жареных фактов не могу вам предоставить. Плохой был бы человек — в Росгвардию не взяли бы. Не перевели бы, не аттестовали. Строгий, деятельный. Сам работал и нас подпинывал.

Пономарев гадает, почему Зайцев мог решиться на такой поступок. И не находит ответа:

— Едешь на машине с семьей, попали в аварию, семья погибла — понятно. Неизлечимая болезнь — понятно. Едешь и задавил ребенка — могу понять... Устал? Так напиши рапорт.

Пономарев накидывает мне на плечи шерстяную жилетку — кухню еще не успели утеплить. Анна ставит на стол наваристый борщ, пресняки (открытые пирожки из ржаного теста с картошкой) и тотемскую сметану.

Теперь уже мы говорим «за жизнь» и за Росгвардию в этой жизни.

Про летние митинги Пономаревы знают из телевизора — у них он работает фоном.

— Слышали, и правильно полицейские делают, — уверенно говорит Пономарев.

— Я считаю, что полиция тоже не защищенная от народа. Полицейского можно всяко обзывать, всяко унижать, — поддерживает его супруга.

— Этим летом я работала на митингах, — аккуратно вставляю я. — Были моменты, когда росгвардейцы забирали прохожих ни за что, винтили всех подряд. Даже тех, кто случайно под руку попал, просто приехал в Москву погулять...

Чайник закипел, и Анна кричит от плиты:

— Ах, значит, не митинговали?

— Из полиции-то дураков не делай, — горячится Сергей. — Просто приехал погулять по Москве во время митинга — прекрасная отговорка. Все прекрасно понимают, что на митинг. «А я стоял просто в телефоне ковырялся». На самом деле пришел специально, чтобы провоцировать эту полицию. Кайф получает.

— Мы-то ситуацию видим только из телевизора, — умиротворяюще подытоживает Анна, запивая слова чаем.

— Люди получили штрафы за то, что пытались выразить свое несогласие, многих незаслуженно осудили по уголовной статье, — продолжаю настаивать я.

— Не «многих», а нескольких, — поправляет меня Пономарев. — И правильно, если он омонвцу плеснул газ или, допустим, что-то кинул.

— Стаканчик, — помогаю ему я.

— Это же унижение достоинства, — вставляет Анна.

Пономарев тщательно моет жирные от курицы руки, глядит в окно на глухой забор:

— А почему я должен прийти с работы без глаза, а жена — с инвалидом жить? Я человек государственный. В 90-е дележка была, кругом бандиты были. Три класса закончат, деньги появились — и пальцы всею, говорят ментам: «Да кто ты такой?» Так что, считай, у нас сейчас все демократично.

Дарья ЗЕЛЕНАЯ,
спец. корр. «Новой»,
Тотьма, Вологодская область
Фото автора

P.S. Прошло полтора месяца после гибели Олега Зайцева. Результаты ведомственной проверки по факту его гибели до сих пор не озвучены, никто так и не сказал, от чего он так страдал, что предпочел жизни смерть. В Росгвардии не дали никаких оценок этому событию, как и всей жизни и честной, пусть и незаметной работе своего сотрудника. Лицо Росгвардии представляют сейчас совсем другие люди.

ДЕЛО «ГОЛОСА»

«Лишили работы и свободы»

Началось рассмотрение дела Романа Удота

Где: судебный участок № 263
г. Химки

Кто: Роман Удот, член совета
движения «Голос»

Статья: ст. 119 ч. 1 УК РФ (угроза
убийством)

Грозит: до двух лет лишения свободы

Стадия: рассмотрение по существу

Судебный участок № 263 подмосковных Химок начал рассматривать дело члена совета движения в защиту прав избирателей «Голос» Романа Удота по обвинению в угрозе убийством журналистов НТВ.

В небольшом судебном участке, расположенном в жилом доме, уже за полчаса до начала заседания Удота караулили энтэвэшники. Позднее к ним на подмогу пришли коллеги с еще одной камерой. Скалились на группу поддержки Удота и явно не желали с ней находиться в одном помещении. Когда на пороге появился виновник процесса, журналистка НТВ вместе с оператором взялись за дело.

— Вижу, вы собрали спортивную сумку с вещами, вы думаете, что сегодня вынесут обвинительный приговор? — не унималась журналистка.

— Я с вами разговаривать не буду, пока вы не извинитесь перед моей мамой, — закончил разговор Удот.

Потерпевшие Александра Мирошниченко и Эдуард Журавлев пробежали по коридору и улизнули в зал. За ними зашел Удот, потом вернулся за кепкой.

— Вон на том столе лежит, — улыбалась энтэвэшница. — Мы не такие плохие, как вы думаете.

— Вы еще хуже, — заключил Удот.

Уголовное дело против него возбуждали 20 апреля 2018 года после конфликта с журналисткой НТВ Александрой Мирошниченко в столичном аэропорту Шереметьево. Удот отобрал телефон у телевизионщицы, которая преследовала его и настойчиво просила дать комментарий. Тогда Удот вызвал полицию и написал заявление о нарушении неприкосновенности частной жизни,

Фото автора

а корреспондентка, в свою очередь, написала ответное заявление о краже телефона.

В ходе разбирательства Удоту пытались вменить грабеж, но в итоге не нашли состава преступления.

Спустя месяц Мирошниченко и ее коллега Журавлев внезапно осознали, что после слов Удота в аэропорту «их жизни угрожает опасность», написали заявление, и в апреле было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 119 УК РФ (угроза убийством).

15 мая этого года Удот вернулся в Россию после длительной командировки и в тот же день явился в полицию, написал заявление, в котором указал, что готов участвовать в следственных действиях. 20 мая Удоту и его адвокату Максиму Пашкову позвонили, вызвали в полицию якобы для проведения необходимых следственных действий. В отделении Удота задержали и вменили угрозу убийством. Через пару дней Химкинский городской суд отправил его под домашний арест. В июле апелляция ему изменила меру пресечения на ограничение определенных действий.

Удот отрицает вину и настаивает, что поддался на провокацию журналистов НТВ. Он требует закрыть дело из-за отсутствия состава преступления.

Для судьи Елены Терещенко это был явно первый процесс, когда зал был забит публикой и телекамерами. Она волновалась, иногда запинаясь и старалась быть доброжелательной со всеми участниками.

При установлении явки сторон выяснилось, что никто из свидетелей в суд не пришел. Собственно, и потерпевшие хотели удалиться. Они предложили рассмотреть дело без их участия из-за занятости на работе. Но адвокат Пашков попросил их задержаться — нужно же провести допрос. «Раз все началось с заявления потерпевших, то пусть участвуют в деле», — объяснил Пашков.

«Они ссылаются на занятость на работе, а из-за их оговора этой работы я лишился. И свободы тоже», — вдогонку отметил Удот.

— Какая у вас занятость на работе? — поинтересовалась судья.

— Круглосуточно, — прошипела Барзунова.

— У нас ненормированный график. В принципе, мы можем прийти, если нужно, — ответила Мирошниченко. Но ее просьбу судья отклонила, обязав потерпевших участвовать в процессе.

Заседание продолжилось с ходатайства прокурора с требованием продлить меру пресечения обвиняемому в виде ограничения определенных действий на все время проведения судебного разбирательства.

Удот обратил внимание, что после подачи заявления потерпевшими он самостоятельно явился в полицию и не скрывался. «Ваша сотрудница суда мне звонила и пыталась передать информацию о назначенном заседании, но я не мог ей ответить. Молчал в трубку и чувствовал себя идиотом! Мне же запрещено пользоваться телефоном. Если вы снимете ограничение, то я смогу, наконец, увидеться с сыном, почти год его не видел», — попросил подсудимый.

После двух часов судья вернулась из совещательной и удовлетворила ходатайство прокурора. Меру пресечения Удоту продлили до 9 декабря и частично смягчили ограничения: теперь ему разрешено выходить из дома с 6 утра до 23 часов. Ранее ограничения действовали с 20 часов до 7 утра. В остальном все осталось без изменения: запрет общаться с потерпевшими и свидетелями по делу, пользоваться интернетом и телефоном, посещать митинги.

После этого прокурор огласил обвинительное заключение, согласно которому «в ходе возникших неприязненных отношений» Удот высказал журналистам НТВ угрозу убийством фразой «я вас убью, вы поймите меня, я вас убью когда-нибудь». Потом отдельно обратился к потерпевшему Журавлеву: «Если захочу и пообещаю выкусить кадык вот этому ублюдку».

— Я бы хотел извиниться перед публикой, которая выслушала эти фразы, и ей потом еще предстоит посмотреть видео. Два раза в жизни я наорал на сотрудников НТВ, и оба раза это были потерпевшие. Мне это не свойственно и неприятно. Тем не менее не вижу состава преступления угрозы убийством, — полагает Удот.

— У сторон была возможность примириться? — спросила судья.

— Как же мы можем это сделать, если нам запрещено общаться с потерпевшими, — заметил защитник.

ДЕЛО АДВОКАТА

«Буквально квадрат Малевича»

В доказательство ущерба полиция Москвы представила в суд пустые листы

Два иска к оппозиционерам поступили в Симоновский районный суд 30 сентября. Первый подан к политикам Алексею Навальному, Владимиру Милову, Илье Яшину, Ивану Жданову, Любови Соболь, Александру Соловьеву и координатору штаба Алексея Навального в Москве Олегу Степанову. Второй — вновь к Соболь и сотруднику отдела расследований ФБК Георгию Албурову. Оба иска связаны с тем, что представители главка «просят возместить им ущерб, причиненный в связи с привлечением сил и средств на обеспечение общественного порядка в результате проведения несогласованных массовых мероприятий». Изначально московская полиция требовала возместить по первому иску 8,5 млн за акцию 27 июля. А с Соболь и Албурова требовали более 9 млн за акцию 3 августа. Теперь внезапно искивые требования уменьшились до 4,2 млн и 5,7 млн соответственно. Почему полиция решила потребовать с оппозиции меньшие суммы — загадка. Как рассказал «Новой» адвокат Яшина Вадим Прохоров, истцы на предварительном заседании не объяснили свое решение.

«Наша общая позиция, что доказательств истца недопустимы, поскольку большинство документов не заверено надлежащим образом. В ряде документов представлены отрывки из приказов. Но без приложения к приказу эти материалы не являются юридически значимыми. Бумаг много представлено, но доказательная база ничтожна», — пояснил Прохоров.

Помимо этого, сказал он, истцы представили в суд черные листы бумаги, «буквально черный квадрат Малевича». «То ли они засекретили какую-то часть документов, то ли это их косяк», — добавил адвокат. Примечательно, что на другом предварительном заседании, где рассматривали иск против Соболь и Албурова, сотрудники столичного ГУВД представили просто белые листы. В результате представители столичного главка документально не обосновали свою претензию, и суд обратил на это внимание. Предварительные слушания пришлось отложить.

Ранее, 1 октября, Коптевский суд Москвы взыскал с восьми оппозиционеров более 3 млн рублей по иску ГБУ «Автомобильные дороги» за помятые газоны на акции 27 июля в Москве. 10 сентября Коптевский суд вынес аналогичное решение по иску «Мосгортранса»: 1,2 млн рублей за «простой автобусов». Удовлетворен иск ГУП «Московский метрополитен», 55 тыс. рублей в счет зарплат сотрудников за дополнительные смены.

2 октября Тушинский суд частично удовлетворил иск ООО «Анкор» (владелец магазина и ресторана «Армения») к Навальному и другим за понесенные убытки 27 июля. Оппозиционеры солидарно должны выплатить фирме более 240 тыс. рублей. Потом в суд обратилась за компенсацией в размере 1 млрд рублей компания по аренде автомобилей «Флай Авто» из-за отмены заказов и повреждения автомобилей.

А. К.

полномочий с применением насилия и грабеже. По словам адвоката группы «Агора» Андрея Сабинина, представляющего интересы потерпевших, теперь оперативники могут перевести в колонию-поселение.

Вместе с Безнесюком за попытки были осуждены еще шестеро руководителей и сотрудников ингушского центра «Э». Один из них уже освобожден по УДО.

МОСКОВСКОЕ ДЕЛО

отягчающее обстоятельство — совершение преступления группой лиц.

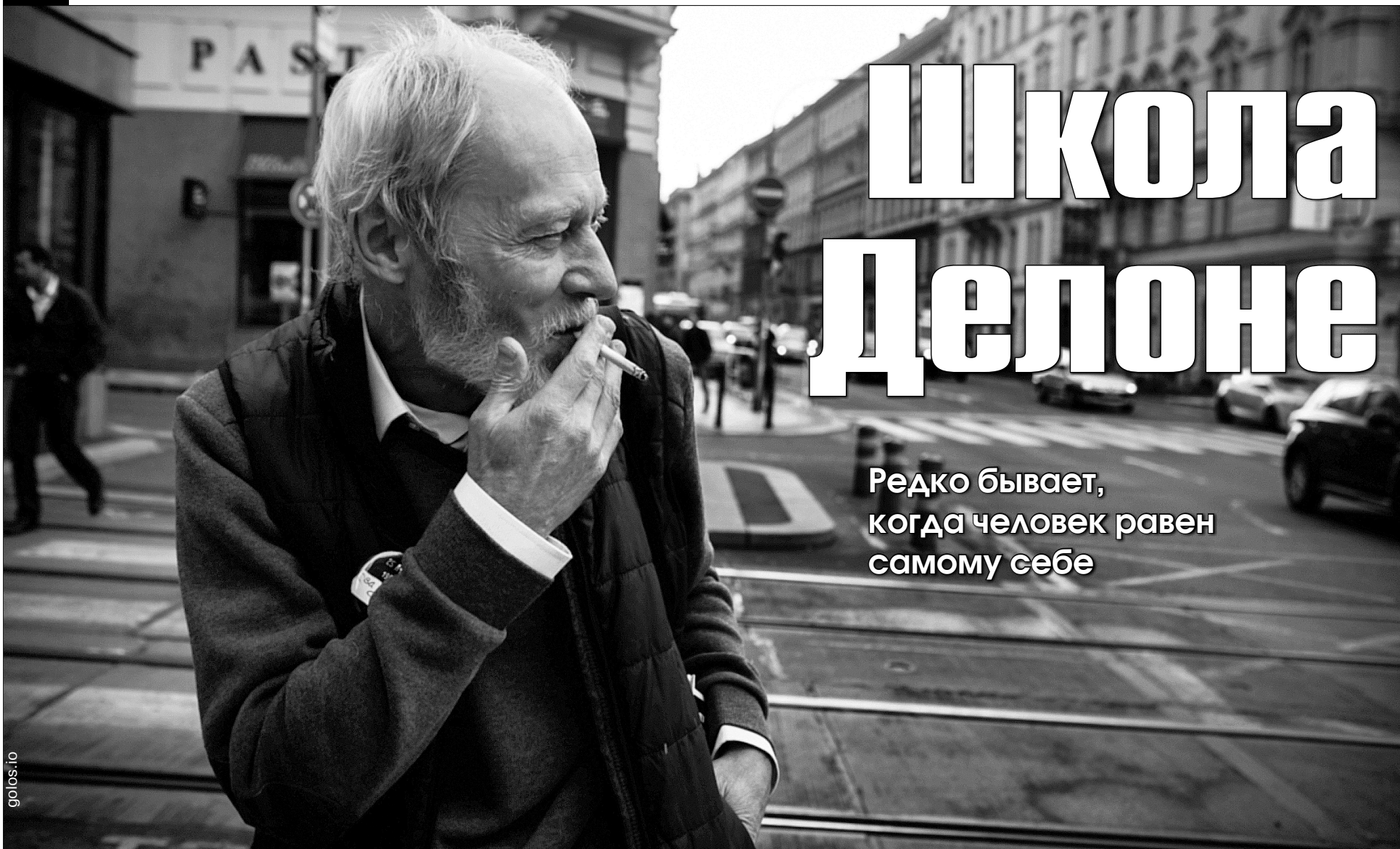
«На приговоре в их случае это будет влиять. Срок будет больше, чем если бы они по отдельности пнули росгвардейца. Мы считаем, что умысла не было на «группу лиц». Но обвинение считает, что они одновременно этого росгвардейца потянули», — рассказал МБХ-медиа адвокат Эльдар Гароз, который защищает Лесных.

В конце октября Мартинцова и Лесных отправили в СИЗО, а Мильникова — под домашний арест. По версии следствия, они сбили с ног нацгвардейца. Тогда им вменяли применение неопасного насилия к представителям власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ). Лесных также обвиняли в том, что он пнул другого нацгвардейца.

■ Следственный комитет объединил дела Максима Мартинцова, Александра Мильникова и Егора Лесных о нападении на силовиков во время акции протеста 27 июля и добавил

Вера ЧЕЛИЩЕВА, «Новая», Медиазона

Андрей КАРЕВ, «Новая»

Школа Делоне

Редко бывает,
когда человек равен
самому себе

golos.io

Родные мои. Сергей Шаров-Делоне всегда так говорил, когда обращался к своим. «Новая» ему, конечно, была своя, родные мои.

Иногда всю правду о человеке мы узнаем только после его смерти. Жил царь, диктатор, директор — и народы слагали о нем оды и оратории, а как помер Максим, так и хрен с ним. Или наоборот: кто этот художник, кто этот писатель, что за светлый гений человечества, как жаль, что признание не пришло к нему при жизни.

Редко бывает, когда человек равен самому себе и не хочет ни славы, ни денег, а хочет только идеалов типа свободы, равенства, братства, но не просто хочет, а умеет их достигать в отдельно взятой жизни. И распространять вокруг себя.

Сергей Шаров-Делоне умел достигать идеалов человечества. Он любил справедливость и пытался ее добиться для других, и у него получалось. Он ценил правду и честность, но не требовал этого от других, просто рядом с ним невозможно было позволить себе сморгнуть. Он чуял лажу. Чуял и предупреждал, что чуял, делал стойку — уж твое дело выбирать: услышать его и выйти из сумерек или позволить Сергею Шарову-Делоне разочароваться в тебе. В крайних случаях — вплоть до презрения.

Но его трудно было разочаровать, он прощал многие грехи. И с ним можно было спорить, он вообще любил это дело. Но уж если он отказывал в принятии чего-то или кого-то, то сколько угодно можно было пожимать плечами и не принимать близко к сердцу. А потом убеждаться, как же Серж был прав, сразу увидев важное. Сразу почуяв большую лажу.

Однажды — это было сразу после «протеста школоты» в марте 2017 года — он защищал в суде молодого парня. Тверской суд Москвы штамповал себе решения, как обычно, как все суды, не разбирая ни зла, ни добра, — штрафы или административные аресты всем подряд. Как обычно, парня обвиняли в «нарушении установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», статья 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. И как обычно, рапорт

о задержании парня составляли не те, кто его задерживал, и что там было на самом деле, никому неизвестно, ну так на то и суд, чтобы разобраться. Теоретически.

В общем, сцена такая: суд, судья, перед судьей двое: очень молодой парень (подзащитный Сергея) и собственно защитник, Сергей. Ему за 60, но он всегда выглядел одновременно и старше (будучи внешне худым Дедом Морозом), и моложе (глаза, очень живые и жадные до жизни глаза). И тут Сергей добивается у судьи почти невозможного: вызвать для показаний двоих служивых, которые составляли рапорт о задержании. Его цель — доказать суду, что рапорт ложный, что там неправда, и поэтому парня надо оправдать.

В зал входят двое служивых, представляются. Судья говорит:

— При каких обстоятельствах и кого вы задерживали на Тверской улице?

Служивые поворачиваются и оба показывают пальцем на Сергея:

— Вот его, деда!

Судья начинает нервничать.

— Пожалуйста, посмотрите внимательно, кого именно вы задерживали.

— Да вот его, сегодого! Бородастого! А он оказывал сопротивление и ругался.

Ну уж, казалось бы, все понятно. Но на суд это впечатление не произвело, он не принял во внимание странные показания служивых, а никто из опытных людей не удивился, когда парю впаили штраф. А как иначе, так устроены наши суды. Очень полезно молодым людям не иметь иллюзий.

Но зачем Сергей, зная все это и тысячу раз пройдя, все равно шел в суд?

Сергей прекрасно понимал, что здесь никого не защитить, но все равно вставал и каждый день шел в суд — не потому, что идеалист (хотя на самом деле да), а потому, что он понимал: многие кейсы могут дойти до ЕСПЧ. Или на основе решений по нескольким делам можно будет пойти в Конституционный суд и отменить какую-нибудь идиотскую норму. А главное — показать подсудимым мальчикам и девочкам, что они не одни. Что есть взрослые дяденьки, которые не лезут к ним, не поучают их, как правильно жить и правильно протестовать, а уважают и защищают.

Был бы он сдержаннее — мы бы называли его гуру, был бы он холоднее — мы бы называли его сенсей, был бы он проще — мы бы называли его дедом, был бы напори-

стее — вождем. Но он был учителем, который не учит, а рядом с которым учишься.

Он был основателем и бессменным директором школы. Школы общественного защитника — это совместный проект «Руси Сидящей» и Сахаровского центра. За четыре года слушателями ШОЗ стали четыре тысячи человек. И многие из них остались работать защитниками в судах — как и Сергей. В первое время я говорила ему, что мне не нравится название — «общественный защитник», это как бы сразу говорит о нашей некомпетентности, потому что в действующих кодексах нет понятия «общественный защитник», а есть просто «защитник», тогда как «общественный» — это отголосок давних времен, когда такое было. Сергей сказал: «Нет понятия? Ну так надо его вернуть». И оказался прав. Вернее, он сам его вернул, ни у кого не спрашивая.

Он учил обычных людей основам защиты в судах, и не только в судах. Как вести себя при обыске, что такое оперативно-розыскные действия, говорил про суд присяжных и судебную экспертизу, про судебное следствие и порядок обжалования приговора, а также про то, как с пользой использовать статус защитника при отбывании подзащитным наказания. И знаете что? Выпускники ШОЗ — а он внимательно за ними следил и старался не терять связи — добиваются очень хороших результатов, и в том числе — оправдательных приговоров. Он страшно этим гордился. Как и все мы.

Конечно, школа должна жить и работать дальше. Но название все же придется поменять.

Теперь это будет Школа Делоне.

Он успел написать учебник школы — закончил его летом, когда уже чувствовал себя неважно. Он читал лекции по истории в Праге, в Карловом университете, они были очень популярны, и он собирался с осени продолжать их читать. Но что-то стало плохо с ногами, он думал — артрит, начал ходить с палочкой. Провел в сентябре полноценные занятия в школе, окончив курс ровно в свой 63-й день рождения 27 сентября. Потом ему стало хуже, он уже знал свой диагноз, это был рак. Успел получить компенсацию за свое незаконное задержание и административный арест — это было решение ЕСПЧ. Получил

деньги — и разделил их поровну между несколькими правозащитными проектами, не оставив себе ничего.

Ну что значит — себе? У него семья. Любимая жена, о которой он всегда говорил с придыханием, сын и дочь, которыми он очень гордился. Они понимали его. Такой крепкий тыл может быть только у очень хорошего человека.

А хороший человек не может оставаться в стороне, когда такое происходит. Он — архитектор, реставратор, ученый, автор блистательной монографии «Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век», мог часами говорить о первых политзаключенных на Руси, и от него я знаю о первом упоминании такового — его звали Даниил Заточник. Когда мы ездили по тюрьмам, Сергей в дороге часами мог цитировать наизусть древнерусскую поэзию, находя там, например, истоки сказки про Колобка. Рассказывал, как связан Андрей Боголюбский и его храм Покрова на Нерли с собором Парижской Богоматери — одна и та же интернациональная бригада строила церковь на Нерли и часть галереи царей в Париже. У него была своя теория связи между великими научными открытиями, расцветом архитектуры и средневековыми ожиданиями конца света. Он знал наизусть все стихи своего двоюродного брата Вадима Делоне, участника «Демонстрации семерых» в 1968 году на Красной площади, это был протест против ввода советских войск в Чехословакию — «Смеешь выйти на площадь?» (Александр Галич).

Он всегда выходил на площадь. И защищал тех, кто смел выйти на площадь, впервые став защитником на процессе по делу 6 мая. Не только защищал — ездил с передачами в зоны, дружил с родителями осужденных, помогал после освобождения. Спорил, ругался, вызывал на разговоры — не бросал.

Если наша страна когда-нибудь выздоровеет, в ней будет улица Делоне. Улица тех, кто физиологически не мог принять тоталитаризма. Мне кажется, на этом месте Сережа пошутил бы для снижения пафоса: «И напиши еще, что я специально умер 7 ноября!»

Вот я и написала, Сережа. Твоя школа.

Ольга РОМАНОВА — для «Новой»

Рассказ написан девять лет назад. Он не про точность факта, он про правду жизни. Но правда нашей жизни такова, что реальное убийство солдатом Шамсутдиновым своих сослуживцев ложится в давнишний вымышленный сюжет так, что бодрые реляции о победе над армейской дедовщиной переходят в разряд

прекраснодушного вымысла. И прежде чем возмущаться петицией, предлагающей признать действия Шамсутдинова самообороной, прочтите рассказ. Петиция тем временем набрала шесть тысяч подписей.

«Новая»

Дмитрий ГЛУХОВСКИЙ

Оппенгеймер

— С нимай штаны, сучонок, — Саид расправил борцовские плечи и, смачно почесавшись, взялся за пряжку своего ремня.

— Ты че? — попятился от него Серега. — Ты че?..

— Будешь моей дочкой, — почти ласково сказал Саид. — Тебе ведь нужен здесь папа, да? Как ты тут без папы, в тайге? Медведи съедят.

— Ты че, Саид? — Серега осип от волнения, от ужаса. — Я пацанам... Я полковнику...

— Ты, сучонок, попробуй, — Саид осклабился, оголил белые волчьи клыки. — Нам ведь с тобой послезавтра на дежурство вместе, на шахту. На неделю. Ты, я и Дауд. А твои пацаны тут останутся. И товарищ полковник тут. А мы Новый год втроем встречать поедем.

— Ты че, Саид, — отчаянно повторил Серега.

— Я с тобой, сучонок, хотел подружиться заранее, — Саид медленно, тягуче сплюнул бурным на бетонный пол. — Лучше мы с тобой туда друзьями бы поехали, — он расстегнул пряжку.

Серега мотнул головой и, коротко размахнувшись, ткнул могучему дагестанцу кулаком в синюю щетинистую щеку: по утрам тот брился, а уже к полудню снова отрастало.

Стукнул неловко, неумело: в Питере жил в самом центре, отец — учитель истории, мать — биологичка; не детство, а инкубатор. Были бы деньги — откупились бы от армии обязательно. Но не наскребли.

Саид даже не пошатнулся. Разом выхватил из портков ремень, небрежным ударом сокрушил шуплого Серегу, обвинил его кадыкастую тощую шею черной простроченной кожей. И стал наворачивать ремень на кулак.

— Хана тебе, сучонок, — зашептал он горячо — громче, чем Серега хрипел.

Тут фанерная зеленая дверь, кое-как прикрывающая грязное хлебало солдатского сортира, отлетела в сторону и шваркнулась о стену.

— Магомедов! — сквозь отдающую гашишом дымовую завесу грозно долетело от входа. — Здесь?

— Тут, товарищ майор, — лениво откликнулся Саид. — Так тошно.

— Поди, разговор есть! — майор оставался на пороге и внутрь соваться не собирался.

Саид выпустил задохшегося Серегу из петли, пнул в живот и шепнул:

— Молчи, понял? Что скажешь ему — ночью с братвой тебя повесим. Молчи.

Вся часть была крашена масляной краской в зеленый по поясу и белый даль-

ше до потолка — в общем, так же выкрашена, как и вся остальная страна. Только в офицерском клубе стены были обшиты вшивой вагонкой, вымазанной морилкой как придется. Ничего, уже уют. В углу на неуместной тут тумбочке с бабскими завитушками — видно, умыкнутой кем-то из дому — стоял убогонький телевизор, купленный у китайцев на рынке или даже обменный на крепостной солдатский труд на ихних китайских огородах.

Телевизор — окно в далекую Москву — показывал сквозь налетающий снег помех Главный канал. Важные новости все

преданно тарасили свои оловянные глаза и рефлекторно жевали.

— Что он это к ним, а, Александр Иванов? — прикуривая «Мальборо» и разгоняя корявой пятерней сизый дым, заставший Обаму, подозрительно спросил Сурен.

— Рождество у них американское было на этой неделе, Газарян, — втянул харкоту полковник. — Приперся поддержать боевой дух. Родина помнит о вас, все дела.

— К нам бы кто приехал, да, товарищ полковник? — выпустил синее облако Газарян.

можно гонять в хвост и в гриву. Вот только прислали, а мы его сразу на неделю на шахту упеchem. На празднички. Ничего, пусть вякнет.

— Что надо, сержант? — глядя мимо Колосова, спросил Сурен.

— Товарищ майор... Мне к товарищу полковнику...

— Докладывайте мне, — нахмурился Газарян.

— Прошу вас... Можно мне в другую смену на дежурство? Мне... Нельзя сейчас ехать. На шахты. Пожалуйста.

— Ааатставить! — рывкнул Сурен так, что даже помехи на экране усилились. — Есть разрядка, есть приказ. Выполняйте!

— Мне... Каюк мне, товарищ майор, если поеду. Там и останусь... У меня с дагами...

Газарян побагровел и надулся, будто чужой кровью.

— Нет никаких дагов, сержант! Все мы — военнослужащие российской армии! Поедете — сработаетесь за неделю!

И, выпихнув сникшего Колосова в коридор, он гневно громыхнул дверью. Вернулся в свой угол, потряс квадратной курчавой башкой и разжег потухшую сигарету заново. Никакое это, конечно, не «Мальборо», а самопал китайский. Чаем, небось, набивают, жулики узкоглазые.

— Потерпит, — холодно сказал полковник. — Я тоже первый Новый год в части на шахте встречал. И тоже с абреками. И ничего. Живой.

На экране Барак Обама уже раздавал счастливым и гордым американским военным подарки. А потом вот так вот запросто пошел в их солдатскую столовую гамбургеры жрать.

— Сука ..., — резюмировал Александр Петрович и харкнул в пепельницу. — Это не тебе, Газарян.

Вездеход плыл, покачиваясь, по занесенному свежим рыхлым снегом насту, уходя от части к самым почти границам полка: по невидимой с «Гугл Мэпс» просеке, через волшебную белую тайгу — к упрятанной в заповедном месте сторожке. Водитель — хмурый и неразговорчивый — был весь сосредоточен на дороге: мело, и сбиться с пути было легче легкого.

В кабине, кроме него, сидели Серега, сжимавший табельное до белизны в пальцах, и по-барски развалившиеся на заднем сиденье Саид и Дауд. С лобового стекла на эту тревожную картину со сдержанным любопытством взирали Национальный лидер в шлеме летчика-истребителя и порочная баба с противоестественными розовыми и перпендикулярными сиськами, вырезанная из «СПИД-Инфо».

Пётр САРУХАНОВ — «Новая»

кончились, под завязку итоговой программы передавали что-то из Америки. Америка отсюда была Москвы куда ближе. Потому часть тут и располагалась: до Сан-Франциско из здешних мест было семь минут лету.

Барак Обама выступал перед военнослужащими американской базы в Кандагаре. Военнослужащие были как на подбор — всех цветов радуги, баб и мужиков поровну, откормлены на убой, и у каждого — челюсти как у московской сторожевой.

Рожи лоснятся, форма с иголочки. Суки.

Президент — коричневый, спортивный и лопоухий — все объяснял про национальные интересы, не хотел уходить из Афганистана и нахваливал героических мужчин и женщин, которые с честью несли бремя долга. Мужчины и женщины

— ..., — возразил тот.

— Нет, правда! Вот почему у них люди служат как люди, бабки нормальные получают, да еще и президент к ним под Рождество? Спецпаек небось привез... — завистливо вздохнул Сурен.

В дверь поскреблись.

Полковник не пошевелился: они с коричневым президентом впились друг в друга взглядами, и никто не хотел отвести глаза первым. Сурен поднялся, одернул рубашку, взялся за ручку.

На пороге стоял сержант Колосов, только что переведенный из другой части. Дохловатый с виду, нелюдимый и тут никому особо не нужный: полчasti — даги, другая половина — сибиряки. А этот — ленинградец. Но упрямый: видно, часто били, да всю дурь так и не выбили. Принципиальных полковник любил: с ними дружить нельзя, а значит,

Серега ехал на шахту как в последний бой; дагов он еще по прежней части хорошо знал, и потому на прощение не рассчитывал. При свидетелях они ничего делать не станут, но как только окажутся с ним наедине в замурованной на глубине тридцати метров консервной банке командного пункта — все.

Есть вещи, с которыми дальше жить не получится. Если до полусмерти избыют — ничего, он оклемается. Если инвалидом сделают — жить будет тошно, но можно. Если опустят — про такое уже никогда не забыть. Лучше инвалидом. А еще лучше подохнуть.

Но тут уж как повезет... Получится их первым — надо будет сразу влеса бежать. Но все равно потом найдут и либо пристрелят при задержании как дезертира, оказавшего сопротивление, либо арестуют, а в КПЗ дага посадят. Так бывает.

Если не получится — значит, полетит он к маме в цинке, распечатывать нельзя. Скажут — простудился, двустороннее воспаление, не успели спасти. Или еще какой диагноз поставят. Главное, чтобы маме не дали крышку отпаять. Это Серега в нее, в маму, такой принципиальный. Если она настоит, чтобы крышку отпаяли — все, больше покоя ей не будет. И сделать она ничего не сделает, только изведется.

Серега представил себе, как матери звонят в их двушку в Купчино на седьмом этаже слева от мусоропровода сказать, что несчастный случай...

Раньше жили на Лиговском, пока мать с отцом не развелись, в просторной старой квартире с потолками чуть не в четыре метра. Из одной добротной квартиры вышло две урезанных, из одной общей жизни — три разорванных. У матери разрыв прошел ровно, по прорехам отцовских измен, а для пятилетнего Сереги он был громом среди ясного неба, от отца мальчик отделялся больно, с мясом.

И Новый год никогда больше не был уже таким после переезда в Купчино, как раньше на Лиговском. Вдруг перестал быть чудесным праздником и сделался самым прогорклым, пустым днем в году. И последний раз, когда Серега видел Деда Мороза, был ровно тогда, перед разводом.

Он всегда приходил к Сереге за полчаса до боя курантов. Звонил в дверь, и Сережка бежал открывать. Сначала придвигал к дерматиновой обивке табурет, заглядывал в глазок, потом издавал победный вопль и принимался отпирать замки. Входил седобородый старик — иногда заснеженный, иногда совсем теплый, домашний, запускал руку в мешок и доставал из него то самое, о чем Серега больше-пребольше всего на свете мечтал. Потом наказывал слушаться родителей, когда пойдет в школу — учить историю пуше биологии, прощался как со взрослым — за руку — и пропадал. А потом как раз с работы или из гостей возвращался отец. В последний раз Дед Мороз принес Сережке пожарную машину.

На следующий год, стоило Сереге заикнуться о том, что он ждет новогоднего волшебника, ему было учительским казенным голосом объявлено, что никакого Деда Мороза нет, что детство кончилось и пора бы ему, здоровенному лбу, уже повзрослеть. После этого мать заперлась в ванной и включила воду. Потом она, конечно, извинялась перед ним, они мирились и обнимались, но детство и вправду кончилось именно тогда.

Пожарная машина пережила все прочие игрушки, и, когда Серега уезжал в военкомат, она все еще стояла на шифоньере в его комнате. Мать, убираясь, всегда залезала на табурет, снимала ее и, протерев от пыли, аккуратно водружала на место.

Отца он больше не видел.

— Приехали! — обернулся водитель. — Погодите вылезать, надо с нашими связаться, чтобы сигнализацию отключили.

Вокруг прячущейся среди разлапистых елей сторожки раскинулось минное поле, за ним — до пояса утопленный в снег частокол с колючкой. Чтобы въехать за забор, нужно было связаться с дежурной сменой — или вручную ввести секретный

код на малоприметных воротах. Сама сторожка была сложена из силикатного кирпича и больше всего бы напоминала гараж-самостройку, кабы не венчавшая его круглая башенка — управляемый снизу крупнокалиберный пулемет.

Радио откликнулось шепеляво, створки ворот дрогнули, но увязли в глубоком снегу. Чертыхаясь, водитель отодрал примерзшую дверцу и соскочил в сугроб. Кое-как разгреб заносы, высвободил створки и повел машину к сторожке.

Вот и все. Приехали.

Вдомике из белого кирпича — подвал. В нем — лестница из ста пятидесяти ступеней, ведущая вниз, в склеп командного пункта. Огромная полая сигара, будто поставленная на попа и похороненная в мерзлой здешней земле подводная лодка, так же, как и живые, настоящие подлодки, поделенная на отсеки. Последний, одиннадцатый — обитаемый. В нем — древняя ЭВМ, несколько лежанок, продавленное кресло с резаной серой кожей, железные стены, железный пол, железный потолок. В этом отсеке Сереге надо неделю провести вместе с Саидом и Даудом.

В пятистах метрах к северу — еще одна шахта, и третья — в километре к западу. А в них дремлют, подвешенные в люльках, две межконтинентальные баллистические ракеты «Тополь». Одной вполне хватит, чтобы обратить в пыль и пепел Западное побережье США.

Загудела и поползла восьмисоткилограммовая дверь, и из чрева шахты показались бледные подземные жители. Как знать, что у них там за неделю случилось...

Прыщавый лейтенант козырнул Сереге издевательски.

— С наступающим!

Угоразило.

Именно под Новый год полковник поругался с полковничихой. Началось с того, кому чистить картошку, а закончилось загубленной молодостью и прозябанием в богом забытой дыре, которую даже улюсом язык назвать не повернется. Нет, этим не закончилось еще: дальше было и про подруг, вышедших за инженеров и сейчас живущих в Новосибирске припеваючи, и про зарплату, и про жилье, и в целом про армию, включая и главнокомандующего, но в особенности все-таки именно про Александра Петровича. Дальше главнокомандующего полковник слушать не стал — появился повод не стерпеть, побросал мокрые картофелины в таз и вывалился вон из квартирнки.

« У нас тут любой сержант — и смерть, и губитель миров. И ничего

Дотопал зло до офицерского клуба, где уже всю открывали шпроты холостой капитан, лейтенанты и примкнувший к ним по каким-то своим обстоятельствам Газарян. Пусть. С мужиками душевнее.

Водка, правда, оказалась только мутновато-китайская, вроде бы на рисе, но, может, и диверсия. Не попробуешь — не узнаешь. Ну, разлили.

Начали пить с патриотического, под сырокопченую и два коротких, и одно протяжное ура-ура-урааа!

Скоро отправились в последнее плавание по огненной реке шпроты, расцвелись гримированными харями московских педерастов голубой экран, через пару часиков уж должен был проникновенно заглянуть в душу подданным президент — наш, искомый, не ихняя чебурашка.

Праздничная атмосфера накалялась. Душевная боль была, как подсолнечное масло: на нее водка потенциального противника ложилась незаметно и вро-

де бы бесследно. Но плотине этой все одно суждено было прорваться, и тогда нахлынувший разом рисовый спирт грозил страшными бедствиями. Как разлил Хуанхе. Суки узкоглазые.

Прорвало прежде, чем слово успел взять главнокомандующий. И очень неожиданно.

— Атомную бомбу Оппенгеймер изобрел. Роберт. Он у американцев был в ядерной программе главный, — во внезапно наступившем безмолвии — словно ветер стих перед ударом бури — нетвердо и не слишком уверенно вещал Сурен. — Я читал. И вот он, когда бомбу первую взорвал, знаешь, что сказал? Я, говорит, отныне становлюсь смерть, губитель миров... Понял как?

— ... мне твой Оп... пенгеймер, — тяжело глядя из-под неандертальских почти что надбровных дуг, размеренно произнес Александр Петрович. — У нас тут любой сержант — и Смерть, и губитель миров. И ничего.

— Оппенгеймер, кстати, как увидел Хиросиму и Нагасаки, всю оставшуюся жизнь боролся против ядерного оружия, — совсем некстати добавил Сурен.

— Что и требовалось доказать! — полковник опрокинул стопарь и молодецки крякнул. — Будут еще соваться к нам со своим мечом, кишка тонка!

— Я вот уверен, — поддержал начальство капитан Симонов, — какой-нибудь Магомедов на раз-два сотрет Лос-Анджелес с лица земли и беспокоиться будет только об увольнительной, чтоб его в город перепихнуться отпустили за проявленную доблесть.

— Ну и че такого? — перевел свой пудовый взгляд на капитана Александр Петрович. — И я бы стер этот их Лос-Анджелес, если Родина прикажет. Я и так бы стер. Ибо..!

Офицеры несколько попримолкли. Несанкционированное уничтожение Лос-Анджелеса поддержать вроде нельзя, но и нарушать субординацию было нежелательно. Главнокомандующий пока не высказался.

— Газарян! Пойдем поссым! — приказал полковник.

Стоя под глухим таежным небом, Александр Петрович лил желтым на заснеженный плац, пару раз задевая из озорства подбжевавшую ластиться овчарку. Газарян стоял подле, но держался независимо. Мочился больше из уважения к старшему по званию, чем по нужде.

Мочился и предчувствовал неминуемую откровенность. Не ошибся.

— Смотрел я сегодня на ихнюю Обаму, — застегнувшись, вздохнул полковник. — И обидно так за Родину стало... Торчим черте где, Сурен... Боевая вахта, мля... «Тополей» наших хватит, чтобы к едрене фене и Европу, и Азию... И никому не нужны. Никому, Сурен... — горько прошептал он.

Газарян поиграл желваками, но в полутьме плаца, скупо освещенного желтыми квадратиками окон, видно этого не было. Совсем недалеко были волки, и неотличимо вторили им бегающие по периметру овчарки.

— Ничего никому не надо, Сурен... Армия не нужна стране, мы с тобой не нужны армии, солдатики наши не нужны нам... Я, когда тот Новый год, самый первый, встречал на шахте... Такая тоска была. С чурками встречал... Это я не про тебя, Сурен... И только думал: не хандрить. Потерпи для дела. Родина помнит. Родина знает... .. те на! — Александр Петрович

ОППЕНГЕЙМЕР

хрюнул кулаком об обледенелый дверной косяк. — Так и сижу, где сидел, и до седых мудей сидеть тут буду. И ничего мы не защищаем, Газарян. Просто коротаем жизнь. Ждем, пока околеем. А Родины-то нет уже никакой. Давно просрали...

— Еще водки, товарищ полковник? — сочувственно спросил Сурен.

— Так точно, —дохнул сивухой Александр Петрович.

Майор сбежал, вынес ополовиненную бутылку, предложил полковнику приложиться первым, потом приник сам.

— Вот ты про Оппенгеймера давеча... Он взрослый ведь мужик был, да? А наши-то? Пацаны, ...! Их из домов повыдергивали — кто белый, а зверьков — из аулов, это я не про тебя, и сюда, к нам, на край земли... Молокососы... Дети! И вот Новый год, а эти там торчат в шахте... Хотя бы их поздравил кто... Хотя бы нас кто... Никому ничего...

А вот тут дамба пошла трещать по швам уже по-настоящему. Нет, недобрая была водка... Измена! Измена!

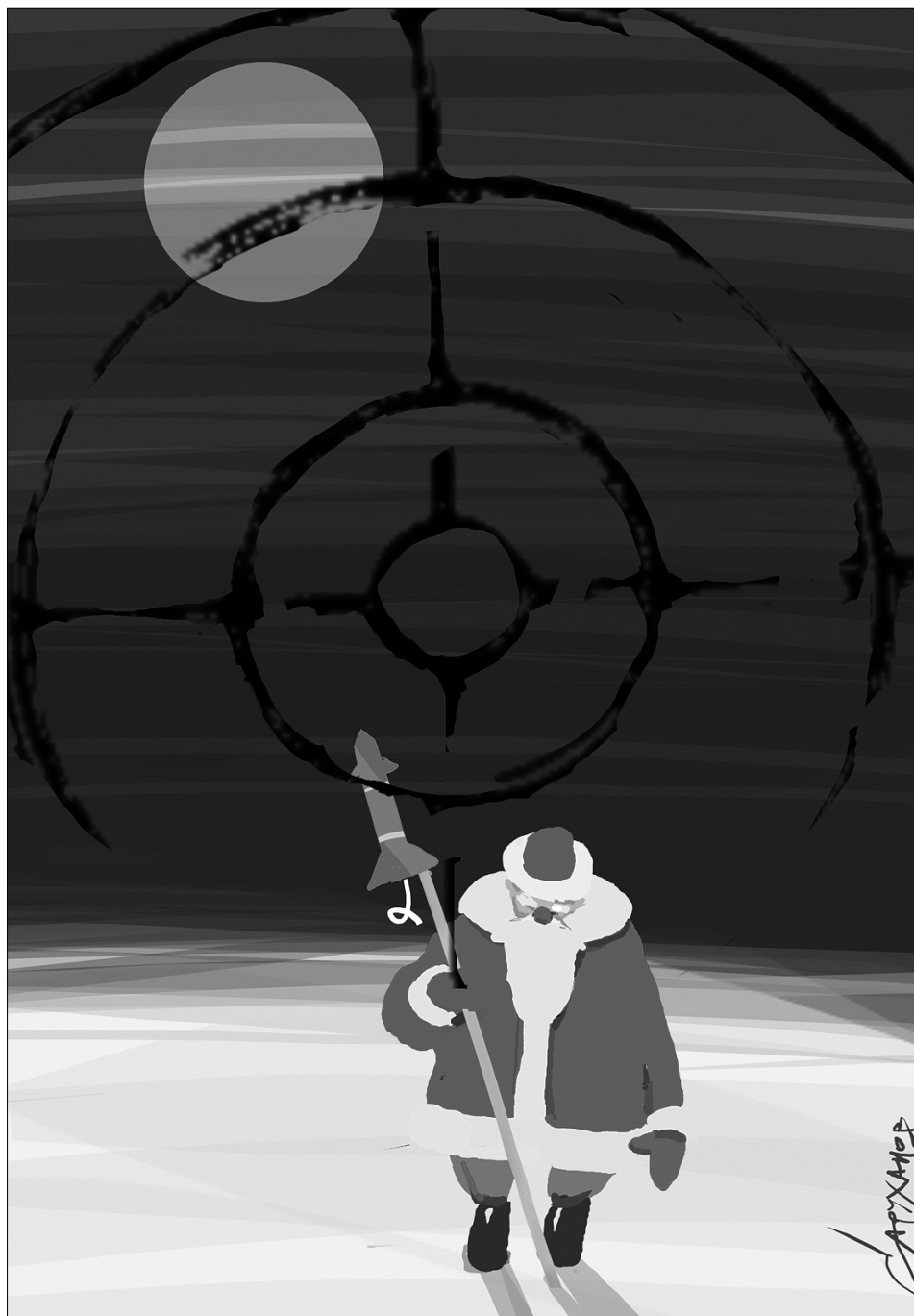
— Ну да... Трындеть-то мы все горюды... — слушая себя будто со стороны и холодея от только что самим собой произнесенного, залепил Газарян. — А сделать... Вот поехать к ним сейчас... На шахту поехать и...

— Страх потерял? — сурово икнул полковник. — Слово офицера, морда, под сомнение?! Да я прямо сейчас! Да я, едрить, хоть в костюме Деда Мороза! Хочешь на спор?! — завелся он.

— Хо... Хо... — сначала покивал, потом помотал башкой Сурен. — Товарищ полковник... Тут это... С елки осталось... Ну, детям в военгородке делали... В общем... Ну, халат там красный, борода...

— Тащи сюда! — свирепо выкатил глаза полковник. — Поздравим пацанов! Новый... Эх... Новый год. Прокатимся. Шахту... Проинспек... Проинспек... Ек...

Прикатилась и встала на свое место восьмисоткилограммовая дверь, лязгнули засовы. Где-то наверху поехал, тарахтя, ре-

Пётр САРУХАНОВ — «Новая»

зять фарами буран вездеход, увозя с собой отдежуривших бойцов. Закрылись ворота.

— С наступающим тебя, сучонок, — улыбнулся Саид и толкнул Серегу вниз. Сегодня праздновать будем. В душе был? — Да пошел ты!

Серега сорвал с плеча автомат, но дагестанец легко выдернул ствол из его пальцев и пинком отправил парня кубарем катиться по ступеням. Спустился неторопливо на площадку, ухватил Серегу за ворот, потрянул в воздухе, как куклу, и бросил дальше вниз. Кровь потекла из рассеченной брови, от боли потемнело в глазах. Дауд спускался последним; не участвовал, но и не мешал.

— Тут сто пятьдесят ступеней, — нагнал пытающегося уползти Серегу Саид. — Ты, сучонок, все их своим рылом пересчитаешь. А потом я тебя выиграю... А потом взбесишься и на нас при исполнении кинешься. А потом, уже сам понимаешь... Мы что, мы при исполнении...

Серега выиграл секундочку, успел подняться и изо всех оставшихся сил впечатал Саиду сапог в топорщащуюся уже промежность. Саид охнул, присел, но тут подлетел Дауд, схватил Серегу за волосы — и о стену, о бетон.

— А потом мы маму твою найдем и выиграем... — смрадно засипел он Сереге в самую душу.

Колосов изловчился, крутанулся и вцепился зубами Дауду в подбородок, ухватил за бушлат — что-то осталось в руке, потом рванул пальцами ухо и со всех ног бросился вниз по ступеням. В горле клокотало, в сердце кипятило, в голове барабаны. Ненависть! Страх звериный и звериная ненависть!

Глубже, глубже! Клацнул сзади затвор, но стрелять они не решились. Проклиная Серегу, бросились вслед, но у того уже была фора. Первым добежал до одиннадцатого отсека и в перекошенную рожу Саида хлопнул стальной дверью.

Раскрыл ладонь — а в ней ключ. Второй. Первый ему прыщавый лейтенант передал. С наступающим.

А всего-то и надо для запуска, что два ключа и код. Только ключи одновремен-

но повернуть... Но тут есть способ, нужно просто швабру и проволоку.

Серега щелкнул тумблером. — Лучше сейчас открой, — глухо из-за стальной толщи пробубнил Саид. — Ты живым не выйдешь отсюда, понял?

— Пошел ты, — Серега прикусил губу. — Мы тебя как барана... Глотку тебе... Потом в Питер твой поедем... — не унимался Саид.

Колосов молчал. Пытался успокоиться и изучал аппаратуру.

— Все равно вылезешь рано или поздно! Жрать захочешь и вылезешь! А мы дождемся! У нас есть как время скоротать!

Сереге вдруг послышался легкий, неуловимый почти запах гашиша. Ненадолго Саид замолк — видно, затягивался. Потом сквозь сталь донеслось — сдавленное, прибалдевшее:

— Что притих там, сучонок? Сдавайся!

— Ты из какого города, Саид? — прижавшись лбом к двери, спросил вдруг Серега.

— Какая тебе разница? Под Махачкалой!

— Разницы нет, Саид! — чувствуя, как поднимается внутри, распирает грудную клетку злобное ликование, почти закричал Серега. — Сейчас весь Дагестан накроет!

— Врешь, гад! Где ты код возьмешь?! Где второй ключ возьмешь?!

Зачем распинаясь, объяснять пробоевую тревогу в прежней части, где он служил до перевода в эту, проклятую? Сказали потом, был компьютерный сбой. Хорошо, успели все отменить — в последний момент, когда уже код запуска сообщили ему и второму дежурному. Часть расформировали, офицеров и солдат распихали как придется.

А код Серега наизусть запомнил навсегда. Такие моменты врезаются в память. Может, тот код больше не действовал. А может, действовал вполне.

Его все еще трясло.

Он хотел одного: чтобы эти поддонки сдохли. <...> Всех выжечь, всех до седьмого колена. В пыль и пепел...

В пыль и пепел! В пепел Саида, Дауда, полковника, майора и всю их базу, в пепел самого Серегу, всю его пошедшую кривью жизнь. Лучше сдохнуть, чем жить уродом.

Экран ожил, и Серега зашарил по кнопкам пальцами. Где находится Дагестан, он знал очень приблизительно. Ничего, в этом деле точность не нужна...

Здесь ведь есть ручное управление. На тот случай, если главный командный пункт в подмосковном Одинцове перестанет существовать. На тот случай, если Москва перестанет существовать. Если командовать станет некому, и дежурный офицер сам будет должен принять решение, стать ли ему уничтожителем миров. Он принял. Прости, мама.

Включилась система оповещения, загудел сигнал. Два ключа — вставить и повернуть одновременно... Рассинхронизация не должна быть больше полутора секунд... Теперь код...

Кровь неслась по жилам, обжигая, бурля. Перед глазами в багровом мареве маячила рожа Саида, его осоловелые неживые глаза, затянутые занавесом дурмана, белозубая нахальная улыбка... Убью, падла... Сам сдохну, но и тебя, и всю твою родню, и город... Всех.

— Ты что делаешь? — уже испуганно раздалось из-за двери. — Ты что такое делаешь?

Код подошел.

Это тебе не «Виндоуз». Никакой генерации случайных чисел... Технология шестидесятых. Почти стимпанк. И даже поменьше после той тревоги, раздолбай, забыли.

Теперь только последнюю кнопку нажать. Сережа положил палец на пластмассу: она была очень гладкой, почти нежной и холодной. Как щека Наташи Ростовской какой-нибудь.

— Ты не посмеешь! Мы потом в Питер... Мы всех твоих... И маму, и папу, и бабушку, и дочку... — надрывался Саид.

— Ничего не сделаешь! — привалился к двери Серега. — Тут две ракеты! Две, Саид! Одну — твоему аулу, другую — нам с тобой сюда!

— Открой дверь, с-сукааа! — страшно заорал дагестанец. — Открой!!!

И вдруг заткнулся.

По ту сторону двери воцарилась совершенная, ватная, невозможная тишина. Будто ракета уже упала.

Серега насторожился.

— Это че там такое? — еле слышно и совершенно ошалело спросил Саид.

Не к Сереге обращался. То ли к Дауду, то ли сам к себе, то ли с богом уже говорил.

— Ты видел, Дауд? — голос у этого каменного человека был такой, будто он только что увидел свою маму. Или призрака.

— Вижу... — так же приплюснуто отозвался второй.

— Это же этот... Дед Мороз... Смотри, прямо у входа...

Выманивают его? Или гашиш уже слил для них измерения, прирастил наш мир к параллельному? В отсеке, где застряли дагестанцы, находились пульт охраны. На него выведена вся сигналка с периметра, кондовые мониторы дают неверное серое изображение с кондовых камер наружного наблюдения. Камеры, ясное дело, немые... Что они там, черт возьми, показывают?! Серега вжался ухом в холодное железо.

— Как он через ворота прошел? — тупо спрашивал Дауд.

— Да че это вообще за черт? — вторил ему Саид.

— Бери его на мушку суку эту!

У них там управление крупнокалиберным пулеметом заведено... Сейчас они наведут на чудака ствол, прижмут гашетку, и его тут же раздерет в клочья. Просто попав в руку, пуля из такой машины отрывает ее от тела.

— Слышь, брат... — неуверенно произнес Дауд. — Может, погодим? Это же... Ну... Дед Мороз...

— Какой Дед Мороз, брат?! Это посторонний на объекте!

— Откуда здесь постороннему быть, брат? Тайга! До части десять километров, брат! До города двести... Минное поле! Сигнализация! А тут Новый год все-таки...

Серега машинально взглянул на часы. Времени было без четверти двенадцать. Ему нестерпимо захотелось отпереть дверь и самому взглянуть в мутный экранчик... Вдруг... Вдруг и вправду... Вдруг?

— Дай сюда! — прикрикнул Саид. — Ты мужик или у тебя на губах не обсохло? Ты не можешь, я его пристрелю!

Нельзя сказать, что случилось с Серегой. Слово поплыло, преломилась перед ним железная комната, словно он сам уменьшился в три раза, а мир вдруг вырос, и время застыло, и воздух остекленел. Только утихшее было сердце снова скакнуло...

— Не смей, Саид! — сорвавшись в отчаянный скрип, крикнул он. — Не стреляй!

И против всего открыл дверь.

В отсеке было трудно дышать из-за густого конопляного дыма. Два могучих дагестанца вцепились друг другу в глотки и замерли так, словно Серега сейчас вдруг попал на финал мирового первенства по вольной борьбе.

На экране была довольно отчетливо видна силикатная сторожка и прямо у входа, четко в перекрестье пулеметного прицела — рослая человеческая фигура. Долгополый тулуп, шапка, отороченная белым, посох и мешок за плечом. Чужак стучал в дверь. Потом повернулся и глянул в камеру... Лица было не разобрать, только кустистые белые брови были видны и долгая снежная борода.

— Помоги мне его... — прохрипел Дауд Колосову.

Серега, не в силах отлепить взгляд от экрана, машинально подобрал валиющийся на полу калаш и приложил его с размаху прикладом о складчатый Саидов затылок. Саид хрюкнул нехорошо и обмяк.

— Прости, брат, — вздохнул Дауд. — Это он неправ был. Курит много. Ум совсем потерял. Я скажу братве... Чтобы тебя не трогали, в общем, скажу.

Серега рассеянно кивнул.

В глазах щипало.

На циферблате было пять минут первого.

— С Новым годом, — беззвучно прошептал он.

Дед Мороз потоптался-потоптался да и двинул куда-то в чашу.

— Мы правильно сделали, да? — как-то беззащитно спросил Дауд. — Только ты никому не говори. Не будешь?

— Не успели? Твою наискось! — печально отгрызнул полковник, оттягивая и отпуская болтающуюся на резинке ватную бороденку. — Ладно... Мы... Это... Ну как? Все равно давай поздр! Слово офицера надо!

Вездеход, съехавший одной гусеницей в кювет, пыхтел и дымился. До ворот не доехали метров тридцать. Полковник кувырнулся в снег, выдернул валенки и заковылял к сетчатым воротам периметра. Сурен вызывал по радио командный пункт, но тот не откликался.

Александр Петрович добрался до ворот, потыкал непослушными пальцами в кодовый замок, да так ничего от него и не добился. Совершенно изможденный, он плюхнулся задницей в мягкий сугроб и тихо загрузил.

Через металлическую сетку он наблюдал недостижимую сторожку, и убранные инеем ели, и яркое пятно света у входа... И крижистую фигуру в заснеженном тулупе, вразвалку уходящую в лес, в никуда. Кажется, увидел даже посох и мешок за плечом.

Было и кануло.

— Еп-пенгеймер... — харкнул полковник.

Дмитрий ГЛУХОВСКИЙ

Михаил ТЕРЕЩЕНКО / ТАСС

Дезориентация на местности

Заниматься искусством в эпоху отсутствия политики можно, но чревато эстетическим несварением и художественной отрыжкой

Биеннале хороши тем, что по ним успеваешь соскучиться. За два года чего не забудешь плохого, чего не намечтаешь хорошего!

После Восьмой московской биеннале современного искусства соскучиться успеют не все.

Так бывает в театре: не случилось.

Вот и биеннале не случилось, несмотря на места звездных участников, знаменитого режиссера Дмитрия Чернякова как куратора и не менее знаменитого архитектора Сергея Чобана в роли соавтора. Главный проект «Ориентирование на местности» в западном крыле Новой Третьяковки (для тех, кто еще не в курсе, — это здание бывшего ЦДХ), интересен отсутствием современных западных художников. Есть живые классики, но это уже музейные работы, из венского собрания Альбертина. А вот по-настоящему актуальных, сделанных иностранцами специально для Москвы, нет. Есть новые работы русских авторов, порой очень интересные, как «Мусорное путешествие» Петра Отдельнова (он «вживлял» GPS-чипы в мусорные мешки, а потом отслеживал, куда развезут мусор из столицы, в результате тот оказывается порой довольно далеко от местных свалок). Это и бумажная вариация на тему роленовского «Мыслителя» — «Минута до пробуждения» Егора Плотникова. И еще масса качественного, любопытного и впечатляющего, как «Молельщики и герои» Андрея Кузькина — инсталляция из бюстов из хлебных мякишей, излюбленного средства художника, позаимствованного им в качестве скульптурного материала у тюремных сидельцев. В паре с ним в павильончик — Чобан понастроил множество «домиков», где обычно запарены их классики и наша гордость, — помещен Георг Базелиц.

Но что хорошо для отдельно взятой выставки, изящной и сделанной со вкусом, еще не биеннале. Черняков выдающийся оперный постановщик, хоройший сценарист — но новатором оформления его не назвать. Его выбор работ из Альбертины интересен, но биеннале — это огромный замысел, взгляд на современное искусство, полемический, провокативный, соединяющий эстетику и политику. А сейчас и основной проект выглядит необязательным, и параллельная программа кажется случайной.

В итоге «Ориентирование на местности» сопоставимо не с прежними биеннале, а с нынешней выставкой финалистов Премии Кандинского в ММОМА на Петровке. Авторы порой пересекаются — и Отдельнов,

и блистательный Александр Бродский (для биеннале он создал «Дороги», подземный переход с поющими на видео бомжами, на Петровке показывает «Красную дорожку», ностальгически веселый зеркальный коридор). Но на Петровке понятен принцип отбора, здесь моделируется современная арт-сцена, есть и злоба дня, например, проект Дмитрия Морозова о Кольской сверхглубокой скважине, эксперименте, длившемся десятилетия и позволившем проникнуть вглубь земной коры на 12 262 метра — проект заморозили в 2008-м, видимо, уже собирали миллионы венесуэльскому народу.

Но что роднит, так это очевидный отказ от политического. Искусство у нас теперь все больше ради искусства, все меньше об обществе. И в «Гараже», когда рассказывают об экологии, никто не вспоминает историю про крушение вертолета во время тайной охоты высших чиновников на архаров — а какая, казалось бы, поучительная история про месь природы человеку.

Московская биеннале пришла к тому, к чему ее вели последние годы. Ее звездный час продлился до пятого выпуска, фейерверк имен и событий закончился в 2016-м, когда команду Иосифа Бакштейна оставили без денег и многолетний комиссар был вынужден уйти. В тот год Министерство культуры радикально зачистило арт-поля. Период вольницы в российском искусстве кончился из-за Петра Павленского. Скандал, разгоревшийся вокруг его выдвижения на премию «Инновация», завершился не только кризисом вокруг самой премии и самоочищением ее жюри, но увольнением Михаила Миндлина с поста директора ГЦСИ и слиянием центра с РОСИЗО (сегодня ГЦСИ и вовсе изгнано из Москвы, работает теперь в регионах).

Мотивация Минкульт понятна — работать надо громко, чтобы общественность отвлекалась от частых арестов в самом министерстве, где за хищения судят не только начальников департаментов, но и замминистра (интересно, какой еще министр усидит в кресле при столь массовой коррупции его ближайших сотрудников?). Возникает затхлость в атмосфере, «цензура» и «задержание» в словаре художников грозят вытеснить другие слова. Это власть мало интересует. Дискуссии о клоачности современного языка у нас инициируются сверху и не поощряются, если это инициатива на местах.

Алексей МОКРОУСОВ — специально для «Новой»

БУКВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Проклятые КНИГИ

Анна
НАРИНСКАЯ
специально
для «Новой»

О том, как купить тысячу томов и не умереть

С начала о том, зачем эта тысяча книг мне понадобилась.

Примерно полгода назад я придумала выставочный проект «Невавилонская библиотека». Сейчас созданный художником Александром Бродским вагон с этой библиотекой уже стоит в Еврейском музее и можно на него и в него посмотреть. Это, во многом, памятник домашним библиотекам моего детства. Библиотекам конечным (в отличие от бесконечной «Вавилонской» библиотеки из рассказа Борхеса), таким, где все книги были читаны-перечитаны, оплаканы и выстраданы (ну, например, за них были сданы килограммы и килограммы макулатуры).

Книжки для этой библиотеки я собирала так: написала список из тысячи книг, которые так или иначе на меня повлияли. В него входят, скажем, «Божественная комедия» Данте и «Стилист» Александры Марининой. Я, разумеется, не считаю эти книги равнозначными, но все они так или иначе меня изменили. Заставили пересмотреть свои взгляды на жизнь (например, «Банальность зла» Ханны Арендт), или проехать свою остановку в метро (например, «Кошмар на улице Стачек» Андрея Кивинова). Тысяча книг «Невавилонской библиотеки» — это мой овеществленный и нелегитимный рекомендательный спи-

часы и часы на книжных сайтах и на сайтах частных объявлений, можно прекратить все переписки с частными продавцами, которые иногда переходили в интимный регистр (некий господин вместе с великим китайским романом «Сон в красном тереме» предлагал «небольшой тет-а-тет: «вот подъедете забирать с деньгами, я как раз бутылочку открою»), теперь можно задаться некоторыми вопросами.

Например, таким: почему книжный рынок в нашей стране настолько неглубок? То есть нет, на этот вопрос ответ очевиден. Он таков потому, что все более или менее крупные издательства относятся к книге как совершенно коммерческому продукту. Как к пирожкам. Нужно продать все выпеченные пирожки, и потом ждать, чтобы их снова захотело очень много людей — а то вдруг выпечешь новую партию, а ее не раскупят до конца. И морочься потом с этими пирожками. Поставьте на место пирожков книжки не самого широкого спроса (не «Войну и мир» и не детективы Донцовы), и метафора будет абсолютно точной. Зайдите в любой книжный магазин и посмотрите на год издания продающихся там книжек. Удивлюсь, если вы найдете там издания 2017 года, о более ранних уже не говорю. То есть книжки не моментального спроса просто пропадают навсегда. Когда я поняла, что в продаже нет даже некоторых популярных переводных романов (на букинистических сайтах за ними стоят очереди в сто и больше желающих), я решила задать вопрос сотрудникам издательства. Ответ из разных мест был однотипный. «Маркетинг считает, что раскупят не больше двух-трех тысяч тиража, такая допечатка не прибыльна».

Интересный факт — ситуация востребованности бумажных книг практически не зависит от наличия электронных версий. Непреходящая ценность книги как предмета — тема будущей колонки, а сейчас — о другом.

Вот в школе учат, что должно быть устроено так. Сначала период накопления, никакой социальной ответственности, никаких заморочек на тему культуры — все меряется чистоганом и точка. Но потом — и не то, чтобы даже века прошли — люди начинают играть в длинную, понимают, что надо вкладываться в будущее, в том числе в культуру, требования «нестандартных» потребителей начинают учитываться, появляется понимание, что не из всего на свете надо просто вышибать максимальную прибыль. Что не всякий товар — просто товар. Вот книга — не просто товар. Она требует особого отношения, она по природе своей немассовая, но при этом она воспитывает будущего потребителя. Тот, кто сегодня прочтет «Камни Венеции» Джона Рёскина, завтра прочтет «Горькие лимоны» Лоуренса Дарелла. Ой, нет, не прочтет — двух этих тонких книжечек нет в продаже, у букинистов они стоят по три тысячи рублей и на них стоят длинные очереди желающих.

Многие умные люди уверяют нас, что в России настоящего капитализма нет. Они правы. И про книжную отрасль в том числе. Настоящего в ней нет. Есть только очень глупый.

« Интересный факт — ситуация востребованности бумажных книг практически не зависит от наличия электронных версий »

сок. Я зуб даю, что все эти книжки — и недостижимо великие поэмы, и легко забываемые детективчики — хорошие.

Когда с сомнениями и страданиями список был завершен, осталось, вроде бы, самое простое — все эти книги по списку купить. Разумеется, бумажные книги. Необязательно новые. За небезумные деньги.

Сейчас в вагоне в Еврейском музее и центре толерантности, действительно, стоит вся тысяча книжек по списку. Из них примерно сто двадцать моих личных, еще пару десятков я одолжила на время выставки друзьям. А покупки приходилось совершать в самых разных местах — в Тель-Авиве, в Харькове, во Владивостоке. Книжки присылали по почте, передавали со знакомыми и незнакомыми. За некоторые книги пришлось биться на интернет-аукционах и совсем не всегда победа оставалась за нами. И вот, когда дело, вроде бы, успешно завершено, не надо больше проводить

Рано утром в субботу, 9 ноября, в Петербурге из реки Мойки спасли 63-летнего историка, доцента Санкт-Петербургского университета, кандидата наук, члена научного совета Военно-исторического общества (председатель — министр и доктор наук Мединский) Олега Соколова. Вместе с ученым из воды достали рюкзак. В рюкзаке, сообщает Следственный комитет, лежали травматический пистолет и две человеческие руки, отрезанные по локти. Историка, который был сильно нетрезв, доставили в больницу с переохлаждением, а в его квартиру на набережной Мойки следствие пошло с обыском. Там нашли расчлененное женское тело и окровавленную пилу.

Историк и реконструктор Олег Соколов признался в убийстве и расчленении бывшей студентки

Олег Соколов — известный специалист по наполеоновской эпохе. Франция признала его заслуги, сделав кавалером ордена Почетного легиона. В России Соколов считается основоположником военно-исторической реконструкции, лично участвует в постановках сражений Отечественной войны 1812 года. Автор бесчисленных монографий и статей по своей тематике на русском, французском и польском языках. Многие коллеги называют его светилом мирового уровня по части времен Наполеона.

Вненаучная репутация у 63-летнего доцента сложная. В 2018 году историк-любитель и шоумен Евгений Понасенков публично обвинил его в плагиате: дескать, Соколов позаимствовал идеи из его, Понасенкова, «Первой научной истории войны 1812 года». Оставим за скобками оценки серьезных историков, данные этому «первому научному» труду. Понасенков утверждал, что старший коллега начал подворовывать у него идеи еще в 2002 году (ему самому было 20 лет, а Соколову — 46). Соколов защищался, но суд проиграл.

В марте 2018 года доцент показал, что защищаться может и другими методами. На открытой лекции на тему «Битвы наполеоновской эпохи глазами Луи-Франсуа Лежена, художника и воина» встал студент и, держа в руках «Первую научную историю», задал Соколову вопрос, как он к обвинениям относится. Доцент перешел на крик, а студента и его друга с тумаками вытолкали из зала крепкие молодые люди, оказавшиеся наготове. Другие такие же крепыши, тоже оказавшиеся на исторической лекции, громко советовали еще дать студентам в глаз.

Инцидент на лекции разбирала комиссия по этике СПбГУ. Ничего предосудительного в действиях доцента она не нашла.

Правда, сам Соколов тоже жаловался на угрозы физической расправы, которые, по его словам, исходили в его адрес и в адрес тех, кто в споре о плагиате выступал на его стороне, «Новая» об этом рассказывала. Автором, по версии жертв травли, был обиженный Понасенков. Последний, проиграв суд, подал апелляцию, и Соколов будто бы получил от него сообщение: «В апелляции отымеют уже не тебя, а твои останки. Нева сейчас холодная». С тех пор прошел ровно год, и Мойка, приток Невы, сейчас действительно очень холодная.

К вечеру 9 ноября Олег Соколов признался в убийстве. Жертва — его бывшая студентка и подруга, с которой он жил в квартире на набережной Мойки. Его жертва — молодая женщина, с которой он встречался накануне вечером в своей квартире на набережной Мойки. Он сильно поругался с гостьей, потом будто бы впал в состояние аффекта и убил ее. А когда по-

Анастасия Ещенко

нял, что наделал, решил избавиться от трупа: разрезал его и хотел вынести по частям. Не успел выбросить руки — упал в воду.

«К сожалению, это действительно тот самый Олег Соколов — один из лучших наполеонистов в мире», — подтвердили «Новой» в Российском Военно-историческом обществе (РВИО). — Он досконально знал свою тему и буквально недавно, в сентябре, принимал участие в Дне Бородине, общался с послом Франции».

Сказать что-то о странностях в поведении историка коллеги из РВИО не смогли, потому что общались с ним исключительно на научной почве. Однако несколько лет назад, как раз после Дня Бородине, президент Международной военно-исторической ассоциации Александр Валькович вынужден был обратиться в прокуратуру — и как раз по поводу Олега Соколова.

Один из лучших наполеонистов в мире хотел во время реконструкторских войн играть роль своего кумира Наполеона Бонапарта. В 2007 году Бородинский музей пригласил для этого иностранного гостя — американца Марка Шнайдера. Возмущенный Соколов, как было сказано в заявлении, «публично оскорблял честь и достоинство администрации

Олег Соколов — один из лучших наполеонистов в мире

Оттождествлял себя с Наполеоном...

Бородинского музея-заповедника, а также приглашенных музеем на праздник... граждан США». Он так вжился в образ императора, что устроил реальную драку с «русскими кавалеристами», отправив свой «9-й гусарский полк» их побить. Организаторы праздника вызвали полицию, потому что дело уже шло к срыву мероприятия, и тогда Соколов, как сказано в заявлении, «призвал на помощь военно-исторический клуб «Легион Вислы» — побороться с полицейскими».

«Олег Валерьевич хотел быть единственным и тянул одеяло на себя, — рассказал «Новой» Александр Валькович. — Для тех, кто занимается реконструкцией, давно не секрет: он человек с очень неуравновешенной психикой. Когда он надевал мундир, его буквально подменяли. То есть он и в обычной жизни человек... не совсем нормальный. Амбициозный, честолюбивый, тщеславный и очень вспыльчивый. А тут он совсем менялся — и не в лучшую сторону. Он отождествляет себя с императором Наполеоном. В определенных кругах его так и называют — сир. То есть «величество». Когда-то он создал свой клуб, там была империя, люди выбирали себе имена известных наполеоновских маршалов и генералов, а он все это возглавлял. И почувствовал себя Наполеоном».

Происшествие на Дне Бородине прошло для Соколова без последствий: он дал несколько объяснений в полиции, и только.

В избении девушки Соколова тоже уже пытались обвинить, но последствий для него тогда не было. Об этом вообще стало известно только десять лет спустя — когда «Московский комсомолец», иллюстрируя особенности характера ученого после инцидента в Университете, опубликовал заявление студентки об истязаниях.

Это было в 2008 году, когда Соколов прерывал работу в Петербурге, чтобы проконсультировать по вопросам антиквариата Виктора Батурина (родственника жены экс-мэра Москвы). И жил в столице. Как можно понять из заявления потерпевшей, у нее был с Соколовым роман. Когда она решила прекратить отношения и приехала за вещами в его московскую квартиру, он привязал несчастную к стулу и стал избивать. Она просила о пощаде, а он таскал ее за волосы, обещал убить, а труп закопать на ближайшей стройке. Подносил к ее лицу утюг так, что она «ощущала жар», и угрожал, что изуродует на всю жизнь.

Напоследок придушил шнуром от этого утюга, потом отпустил. Вернувшись в Петербург, девушка сняла побои и обратилась в полицию. Дело было, повторим, 11 лет назад. О том, чтобы у Соколова за эти годы были какие-то неприятности, связанные с уголовным преследованием, нам неизвестно.

По информации петербургской «Фонтанки», убитая в квартире Соколова — его очередная молодая подруга, бывшая его студентка, выпускница СПбГУ Анастасия Ещенко. Ей было 24 года. Они вместе жили в квартире на Мойке. В четверг, 7 ноября, они поссорились, как пишет «Фонтанка», из-за того, что подруга Соколова скверно относилась к его дочерям от предыдущих браков. Он убил ее, выстрелив из обрез, и оставил тело в квартире. В пятницу пришли гости, веселились — и ничего не подозревали о том, что в соседней комнате лежит труп. После их ухода Соколов решил от тела избавиться и для начала его распилил. Ему будто бы несколько раз делалось дурно, но он продолжал пилить. И, видимо, одновременно пил. Первыми выбросил в Мойку ноги, а когда понес сумку с руками, был уже сильно пьян. Не удержался и упал в воду. Там его заметил проезжавший мимо водитель и вызвал подмогу.

В Следственном комитете «Новой» всю эту информацию подтверждать не стали, а только сообщили, что Соколов под стражей и по состоянию на вечер субботы остается в статусе подозреваемого. Адвокат Александр Почувев подтвердил «Новой», что его доверитель действительно в убийстве сразу признался, но теперь показаний больше не дает, ссылаясь на 51-ю статью Конституции. В целом позиция защиты сводится к тому, что историк находился в состоянии аффекта или патологического опьянения, в любом случае он не осознавал, что делает.

«Состояние патологического опьянения тем и характеризуется, что возникает быстро и человек теряет контроль над собой из-за небольшого количества выпитого, — заметил адвокат. — Сейчас мой доверитель приходит в себя в больнице, потом следствие назначит все экспертизы. Пока наша позиция такая, а какие еще найдутся скелеты в шкафу — посмотрим».

Ирина ТУМАКОВА

« Он убил ее из обрез, и оставил тело в квартире. В пятницу пришли гости, веселились — и ничего не подозревали о том, что в соседней комнате лежит труп »

В преддверии 20-летнего юбилея включения Петербурга в Список всемирного наследия губернатор Александр Беглов заявил, что исполнение требований ЮНЕСКО «не представляется возможным».

До выборов господин Беглов не был столь категоричен. Весной, принимая консультативную миссию ЮНЕСКО, он говорил о плодотворном сотрудничестве Петербурга с этой уважаемой организацией, выражал готовность делиться опытом сохранения наследия и считаться с мнением градозащитников. К осени миссия представила свой отчет с весьма негативной оценкой состояния дел в Петербурге и рекомендациями. Градозащитники его и обнародовали, поскольку Смольный не спешил с оглаской неприятных ему выводов инспекции.

Документ, в частности, содержит критику градостроительной политики петербургских властей и архитектуры новых зданий, нарушающих охраняемые панорамы. Среди новых угроз — застройка у Пулковской обсерватории, Чесменского дворца, вблизи дворца и парка «Александррино», где «любое новое строительство должно быть остановлено», проект частного загса на Неве, также с рекомендацией его отмены, и другие. Констатируется, что вопреки правилам наши власти не информируют Комитет всемирного наследия о планируемых или реализуемых крупных проектах и не принимают мер для выработки единого плана управления петербургским объектом ЮНЕСКО, должного совершенствования законодательства и исполнения положений Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия.

Депутат Алексей Ковалев направил губернатору письмо с просьбой сообщить, какие меры принимаются правительством города для исполнения рекомендаций миссии ЮНЕСКО. А никакие, не собираемся мы ничего делать, — по сути, к этому и свелся ответ Беглова, если перевести с чиновничьего на русский. Формально губернатор сослался на то, что положения Конвенции и руководство по ее исполнению «требуют дополнительного правового регулирования в национальном законодательстве», без чего их исполнение органами государственной власти Санкт-Петербурга «не представляется возможным».

По мнению региональных подразделений ВООПИиК, ИКОМОС и Союза архитекторов, выраженному в их совместном заявлении, отчет миссии ЮНЕСКО и проблемы эффективной защиты петербургского объекта всемирного наследия должны были быть вынесены на Международный культурный форум (открывается 14 ноября). Но вместо этого предлагается обсудить проект сноса исторического центра Петербурга — панельная дискуссия на такую тему заявлена в официальной программе форума. Модератором и одним из спикеров назначен глава фонда «Шуховская башня» Владимир Шухов, уже изрядно поработавший на разогреве у этого мероприятия. (*«Новая» рассказывала о скандале в связи с Шуховым в номере от 21 октября 2019 г.*)

Свои ноябрьские тезисы господин Шухов широко представил в СМИ: инвесторам не интересно вкладываться в сохранение наследия, а посему надо пожертвовать большей его частью, «то есть снести»; в противном случае «мы вам из бюджета денег не дадим и вы вообще помрете здесь без московских денег».

Петербургские ВООПИиК, ИКОМОС и Союз архитекторов такие тезисы оценили как «маргинальные идеи», «противоречащие закону, совести и здравому смыслу», которые «не должны являться предметом серьезной профессиональной дискуссии на форуме». В своем заявлении

Озеро вблизи Исаакиевской площади на месте Пробириной палаты. Участок передан инвестору в 2003 году. Снимок 2019 года

Хайп, фейк и духовные крепости

они призвали организаторов МКФ отказать от заявленной темы, дабы «не бросать тень на всё мероприятие, в подготовку которого вложено много сил и средств».

Устроители форума заявление проигнорировали, насколько можно судить по не претерпевшей изменений программе.

МКФ все очевиднее дрейфует к хайпам и фейкам. На форуме и прежде старались избегать острых тем, затрагивающих базовые проблемы, но профессиональные толковые конференции и диспуты все же случались. Еще в прошлом году темой пленарного заседания было «Культурное наследие как движущая сила устойчивого развития», а нынче в повестке — «Проект сноса исторического центра Санкт-Петербурга». Секцией массовых коммуникаций предлагается лекция «оперуполномоченного Гоблина» — он научит, «как быть на хайпе» (так и написано на официальном сайте культурного форума), охватит темы коммерческих проектов, компьютерных игр, ну и — до кучи — цензуры. На другой день обсудят фейки — они-то, по версии устроителей, и представляют «главную угрозу массовых коммуникаций». А затем развлекут публику поэтическим баттлом, обещающим дать ответ на другой актуальнейший вопрос современности: «Должен ли творец хайпить себя сам или это менеджеров?»

Секция культурного туризма заявит о себе панельной дискуссией «Духовные

крепости России». Спикеры — министр культуры Владимир Мединский и глава Патриаршего совета по культуре Тихон Шевкунов — поговорят меж собою о «православных обителях русской земли как духовных форпостах русской истории и культуры, ставших опорой национального самосознания современной России».

Представителей СМИ, уже аккредитованных на форум, предупреждают: чтобы насладиться этой дискуссией, необходима дополнительная регистрация, причем с обязательным направлением копии письма в адрес инициатора дискуссии — Российского военно-исторического общества. Нельзя не признать, что его популярность нынче достигла небывалого пика — благодаря сюжету о члене научного совета РВНО Олеге Соколове, расценившем свою ученицу и планировавшем облачиться в мундир Наполеона и казнить себя в Петропавловской крепости на глазах у туристов. Однако ставить такую организацию на страже подступа журналистов к «духовным крепостям» представляется, мягко говоря, странным.

Не имея желания подхватывать брошенный на поле МКФ фейково-хайповый мячик, поговорим лучше о вещах серьезных. Например, о том, так ли уж беден Петербург, чтобы не иметь возможности «без московских денег» и неумных хотелок инвесторов содержать объекты наследия.

На Международный культурный форум потратят почти 180 млн бюджетных рублей. Обсудят, как снести старый Петербург, потому что денег на его сохранение нет.

«Новая» поискала, где взять

Для начала стоило бы выяснить: насколько грамотно распоряжается город своим главным стратегическим ресурсом (каковым наследие и является, согласно принятой городским правительством стратегии его сохранения).

Излюбленная мантра сторонников зачистки исторического центра: в казне денег нет, а бизнес считает экономически нецелесообразным сохранять «рухлядь».

Помнится, в разгар битв за Дом Абазы (наб. Фонтанки, 23) губернатор Валентина Матвиенко прямо заявила градозащитникам: ни одному инвестору не выгодно реставрировать особняк, пойдите найдите такого дурака, кто возьмется обойтись без демонтажа и кардинальных перестроек. А градозащитники взяли и нашли — причем вовсе не дурака, а успешного европейского девелопера, потомка рода Абазы, с десятками реализованных в по всему миру проектов деликатного приспособления исторических зданий. Он обратился к нашим властям, выразив готовность сохранить дом на Фонтанке, сделав там гостиницу и устроив музей рода Абазы, а также возродив существовавший там до революции музыкально-литературный салон. Потомок настаивал, ссылаясь на свой опыт, что такой проект не будет убыточен — напротив, принесет ему выгоду. Но его предложение Смольный не заинтересовало. Ближе оказался проект радикальной перестройки в интересах компании,

близкой бывшему полпреду президента в СЗФО Илье Клебанову. Переданное «инвестору» еще в 2007 г. здание, ведущее свою историю с конца XVIII века, продолжает разрушаться — за минувшие 12 лет планы его преобразования не продвинулись дальше бумаг.

И это еще не самый затянувшийся долгострой. Из наиболее впечатляющих примеров — поросшее деревьями озеро вблизи Исаакиевской площади, образовавшееся на месте Пробринной палаты (наб. канала Грибоедова, 51). Объект был предоставлен ООО «Легион» в 2003 г., к 2008-му «инвестор» памятник снес (уцелела только одна стена). Пройдет еще шесть лет, прежде чем город расторгнет инвестиционный договор. И с тех пор, с 2015-го, Смольный лишь выдвигает разные версии — кому передать останки Пробринной палаты вместе с земельным участком. Сначала говорилось о консульстве Азербайджана, затем о таинственном «инвесторе из Бахрейна», который готов возвести тут гостиницу и бизнес-центр. В феврале 2017 г. этот адрес попал в перечень дюжины долгостроев, по которым губернатор Полтавченко велел Комитету по инвестициям срочно выработать решения. С тех пор сменились и губернатор, и глава комитета, только затопленный водой котлован в центре Петербурга на прежнем месте, с камышом да утками.

К осени-2015 в Смольном насчитывали 144 объекта незавершенного строительства, на которых работы приостановлены, не ведутся, нарушены установленные сроки, требования законодательства.

Список этот не претерпел существенных изменений. Львиная доля адресов приходится на золотые участки районов исторической застройки, розданных за непоставимую с рыночной цену.

Еще при губернаторе Владимире Яковлеве под лозунги о необходимости развития туристического потенциала северной столицы был принят городской закон, позволяющий передавать без торгов объекты для создания гостиниц. Но зачастую вместо отелей там вырастали дорогие жилые комплексы.

Так, еще в 2002 году распоряжением правительства Петербурга был изъят из постоянного пользования детской больницы № 2 земельный участок в 3000 кв. м между 13 и 14-й линиями Васильевского острова и передан частной компании для постройки гостиницы. Участок предоставлялся на время строительства (два года), с возможностью пролонгации аренды до 49 лет при выполнении условий договора. Несмотря на то что они не исполнялись, уже губернатор Матвиенко дважды продлевала действие договора, отодвигая срок сдачи объекта. Первый «инвестор» переуступил свои права другому, тот — третьему. К исходу 2008 года на участке имелся лишь незавершенный объект строительства, на который оформила право собственности компания ООО «Виста Констракшн». И с нею КУГИ заключил договор аренды участка уже до 2060 года — хотя здание было возведено едва ли на треть и работы не велись. «Виста» за 39 млн рублей продала долю недостроя (около 90%) компании «Кредо», с которой затем вступила в многолетние судебные тяжбы по аннулированию сделки. К 2018 году арендатором участка значилась новая структура — ООО «Винтеко», заявившая о намерении реализовать проект жилого комплекса с паркингом. Согласно открытым данным, у «Винтеко» — нулевая рентабельность, показатель прибыли за 2018 год — минус 6,35 млн руб.

А город тем временем изыскивает средства на новое строительство для страдающей от нехватки площадей детской больницы, у которой отжали кусок территории.

Что же до «московских денег» (без которых, по версии Шухова, Петербург неминуемо загнется), то и тут есть что припомнить. Например, Дом Лобановых-

Снесенный под инвестпроект Дом Рогова

Ростовских подле Исаакиевского собора — его Управление делами президента РФ изыало из городской казны под предлогом госнужд при переводе Конституционного суда в Петербург, вдобавок к комплексу Сената и Синода. Утверждалось, что и это здание необходимо для размещения сотрудников КС. Однако довольно скоро госнужда отпала, а памятник работы Монферрана отошел структуре семейства Якуниных под пятизвездный отель. Случись городу выставить такой объект на торги, мог бы выручить громадную сумму. То же Управление делами прибрало золотые земли на Крестовском острове (попутно выселив оттуда детский сад и специализированный детский дом для ребятшек с отклонениями в развитии) и в поселке Комарово ради обустройства жилья и отдыха судей КС. Потом настал черед территории у Стрелки Васильевского острова — уже для Верховного и высшего Арбитражного судов. Теперь, после озвученного президентом (но до сих пор не оформленного де-юре) решения сменить этот участок на другой, возле Смольного собора, под топор готовятся пустить обширную зеленую зону подле Невы. О бюджетных средствах, потраченных на проработку решений по созданию здесь нового блокадного музейного комплекса, власти не вспоминают. Мелочь.

Всякий раз, когда заводят шарманку об отсутствии в городской казне денег на сохранение наследия, хочется спросить: отчего же вы их не считаете, когда раздаете задарма то, что могло бы казну пополнить?

По данным, представленным депутатом Оксаной Дмитриевой, с 2008 года в Петербурге без торгов, целевым назначением, было предоставлено свыше 470 объектов. При этом во многих случаях — с многократным занижением суммы, которую город мог бы выручить при их продаже по рыночной стоимости. Так, комплекс построек Конюшенного ведомства отошел структуре семьи Зингаревичей

по цене не самой дорогой квартиры в этой локации — за 19 млн рублей. Что, по оценке Дмитриевой, в 70 раз ниже рыночной. Тогда же, при губернаторе Матвиенко, империи Зингаревичей достались архитектурные памятники на Невском проспекте и на Марсовом поле.

Комплекс казарм лейб-гвардии Павловского полка, что на Марсовом поле, так и не дождавшись реставрации, перейдет в 2018 г. банку «Санкт-Петербург» — в рамках урегулирования задолженности «инвестора».

Дом Вавельберга на Невском должен был превратиться в гостиницу к 2014 году, чего до сих пор не случилось. КГИОП не раз требовал остановить несогласованные с ним работы, по иску комитета Арбитражный суд вынес решение о взыскании 3,6 млн рублей за самовольные работы с нарушением требований охранного обязательства. А собственник компании-инвестора успел смениться трижды.

За те годы, что Конюшенное ведомство находилось в ведении компании Зингаревичей, состояние памятника серьезно ухудшилось. Под давлением общественности договор был расторгнут.

Сегодня только противоаварийные работы по спасению Конюшенного ведомства оцениваются в миллиард. При этом в качестве утешительного приза компания Зингаревичей «Плаза Лотос Групп» получила статус стратегического инвестора, и город без торгов предоставил ей шесть участков совокупной площадью около 9 га под строительство гостиниц экономкласса. Часть этих наделов компания начала перепродавать, а на других взялась реализовывать концепцию так называемых инвест-отелей — то есть не за счет собственных средств, а за счет дольщиков. Два участка были выделены в устье Смоленки, где жители не один год добивались создания парка. Их застройку инвест-отелями призваны были обеспечить три постановления правительства Петербурга —

о признании стратегическим инвестором ООО «Новые территории девелопмент» (принадлежит «Плаза Лотос Групп»), о признании стратегическим ее проекта строительства «гостиниц массового сегмента» и о выделении участков. Благодаря настойчивости гражданских активистов петербургское УФАС исследовало это дело и 6 ноября вынесло заключение о нарушении антимонопольного законодательства и признании недействительными всех трех упомянутых постановлений правительства Петербурга.

Это разбирательство позволило вскрыть базовые проблемы:

«Мы узнали, кто и как в нашем городе становится стратегическим инвестором, каким образом передаются земельные участки различным организациям под стратегические проекты, за чей счет осуществляются инвестиции в них», — комментируют в инициативной группе «Парк на Смоленке».

Комитет по инвестициям представлял городскому правительству сведения, что ООО «НТД» — это крупная международная компания. А оказалось, она создана менее чем за три месяца до присвоения ей статуса стратегического инвестора, уставной капитал — 10000 рублей, опыта реализации инвестпроектов нет. Более того, в реальности инвесторами были заявлены шесть микропредприятий с нулевыми балансами, объединившихся в некое инвестиционное товарищество. Этому товариществу — причем даже без указания его названия и прочих данных — постановлением правительства Петербурга и присваивался статус стратегического инвестора. Но земельные участки передавались уже не товариществу, а каждому из заявленных в его составе юридических лиц.

«При этом, — обращают внимание активисты, — было проигнорировано заключение юридического комитета, который указывал на незаконность такого действия. Вот так люди, не имеющие капитала, становятся богатыми за счет нашей городской земли».

Ревизия подобных схем, оборачивающихся разбазариванием земель и объектов недвижимости, способна выявить колоссальный ресурс — годный в том числе покрыть необходимые для сохранения объектов наследия суммы. Но вместо этого нам навязывают дискуссии о хайпе, фейке и духовных крепостях. Причем опять-таки за наш счет. Пять лет назад организация Петербургского международного культурного форума обошлась городской казне в 30 миллионов рублей, к этому году сумма превысила 88 миллионов, еще почти столько же выделяется из федерального бюджета.

Татьяна ЛИХАНОВА

Долгострой на отнятом у детской больницы участке (13-я линия, д. 50)

Локальное потепление

Конституционный суд РФ принял постановление, которое снижает возможности региональных властей отказывать в проведении публичных акций. Но это не весна и не оттепель

Борис ВИШНЕВСКИЙ
обозреватель «Новой газеты», депутат Законодательного собрания СПб

Пункт 2 статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещает проводить публичные акции на территориях, непосредственно прилегающих к опасным производственным объектам, на путепроводах, железнодорожных магистралях, полосах отвода железных дорог, нефте- и газопроводах, высоковольтных ЛЭП, на территориях, непосредственно прилегающих к резиденциям президента РФ, к зданиям судов, к территориям и зданиям тюрем и колоний, а также в погранзонах (без специального разрешения).

Запретный список не так и велик (хотя порой толкуется расширительно — например, когда «резиденциями президента» объявляются здания, занимаемые полпредствами). Но дело в том, что перечень запретных зон — не исчерпывающий.

На основании пункта 2.2 той же статьи, «в целях защиты прав и свобод человека и гражданина» (конечно же!), «обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности» региональным законом могут быть введены и дополнительные «запретные зоны». В том числе если проведение в них публичных акций «может повлечь нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, создать помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры».

Формулировка воистину резиновая. Особенно в части «создания помех движению пешеходов» или «доступа граждан к жилым помещениям или объектам инфраструктуры». Вообще говоря, любой из нас, идя по улице, «создает помехи» для других пешеходов. А может и «создать помехи» для тех, кто хочет войти в подъезд. Или в автобус. Или в поликлинику...

Конечно же, региональные власти этой возможностью дополнительно запрещать публичные акции охотно пользуются.

Власти регионов не имеют права произвольно ограничивать места проведения уличных акций, а помехи работе транспорта или каких-либо организаций не могут быть основанием для запрета митингов, следует из постановления Конституционного суда.

Компетентные органы обязаны обеспечить реализацию прав граждан, а не «пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате», говорится в документе.

«Реагирование публичной власти на подготовку и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным и во всяком случае, вне зависимости от политических взглядов их инициаторов и участников, нацеленным на обеспечение необходимых условий (как на уровне законодательного регулирования, так и в правоприменительной деятельности) для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе путем выработки четких правил их организации и проведения, не выходящих за рамки допустимых ограничений прав и свобод граждан в демократическом правовом государстве», — решил КС.

Согласно позиции суда, создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и прочие издержки сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетов. В суде подчеркнули, что компетентные органы обязаны обеспечить реализацию прав граждан, а не «пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате».

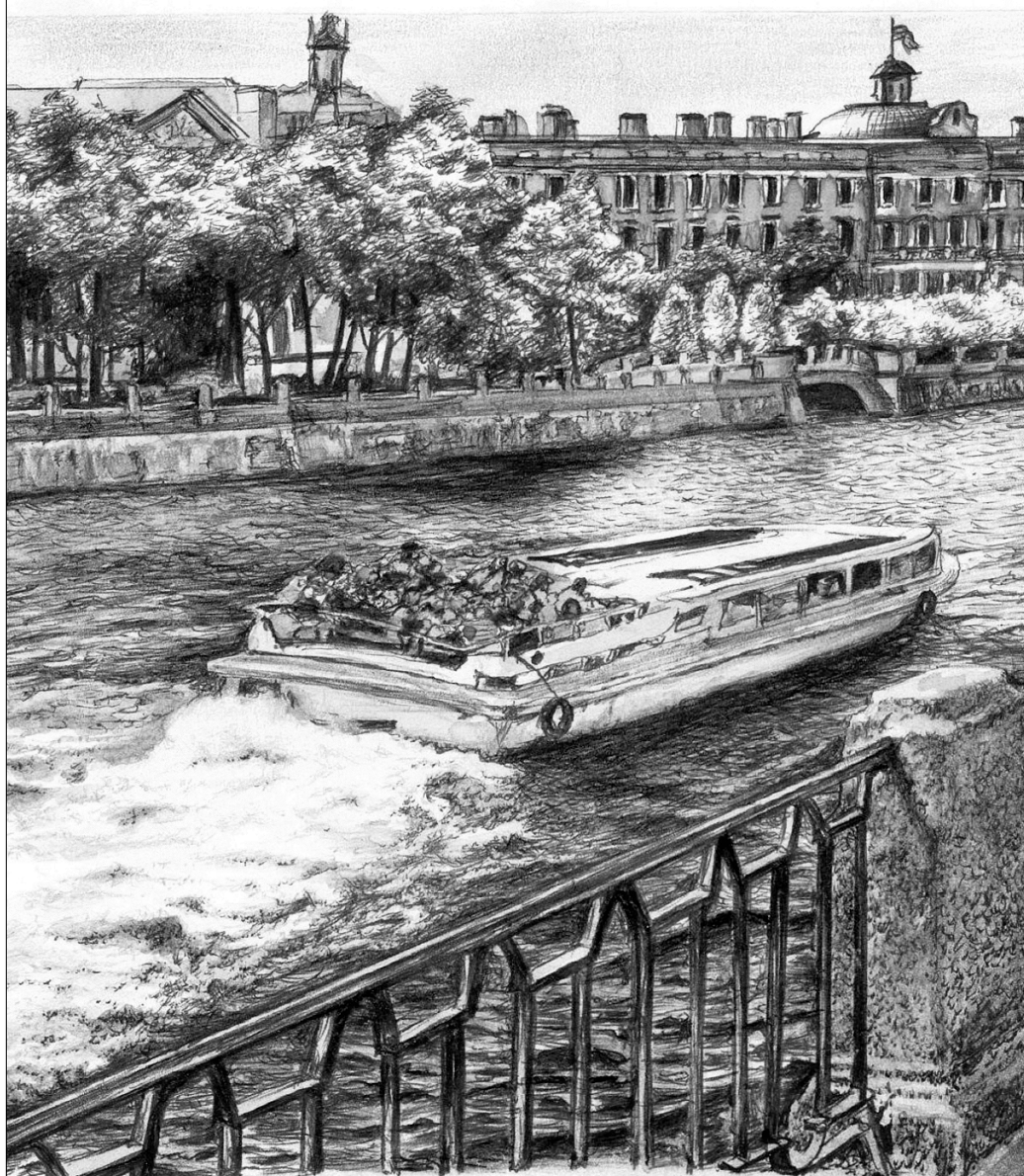
Это решение суд принял по жалобе Марины Седовой и Веры Терешонковой, которым запретили провести уличные акции в Сыктывкаре. По решению КС их дела теперь должны быть пересмотрены и они имеют право добиваться компенсации ущерба.

Седова и Терешонкова оспаривали законы Коми, запрещающие массовые мероприятия в радиусе 50 метров от входов в здания, которые занимают органы власти, а также на Стефановской площади. Терешонкова хотела провести на Стефановской площади заупокойный молебен в память жертв Большого террора 1937–1938 годов. Седова планировала митинг протеста у мэрии против плохой работы общественного транспорта. Им отказались согласовать эти акции в соответствии с региональным законом.

Дело заявителей в КС представлял юрист фонда «Общественный вердикт» Эрнест Мезак. Он назвал решение суда большой победой.

Мезак напомнил, что подобные ограничения и запреты действуют не только в Коми, но и в некоторых других регионах. По его словам, 5 ноября Верховный суд отменил судебные решения о законности запрета митинга у здания мэрии Петропавловска-Камчатского. Там суды опирались на аналогичные региональные законы. По мнению юриста, теперь камчатским судам предстоит заново рассмотреть это дело и учесть позицию КС.

Добавим, что под предлогом «создания помех» работе транспорта, другим гражданам и государственным учреждениям власти не только запрещают проведение оппозиционных мероприятий, но также возбуждают в отношении них участников уголовные дела.

Последние четыре года петербургский филолог Елена Эфрос каждый день пишет письма. Почти все они адресованы в учреждения Федеральной службы исполнения наказаний — колонии и следственные изоляторы. И почти все они написаны людям, которых Елена лично не знает. Эти люди — политзаключенные.

— Как все начиналось, Лена?

— Начиналось давно и с моей мамы, писательницы Нины Катерли, которая дружила с покойным адвокатом Юрием Марковичем Шмидтом. Через него она заинтересовалась делом «ЮКОСа» и историей Алексея Пичугина, приговоренного к пожизненному заключению, стала с Лешей переписываться. Это были живые, бумажные письма, я помню, как вынимала пичугинские конверты из почтового ящика, заходила домой — и маме сразу: тебе опять письмо из тюрьмы. То есть этот пример был у меня перед глазами.

— И не было, следовательно, боязни писать именно политическим заключенным?

— Боязни не было, конечно, тем более переписка никак не возбраняется и разрешена законом. Когда начались репрессии по «болотному делу», я писала ребятам осужденным, писала еще Сергею Мохнаткину и Петру Павленскому, они отвечали, я очень гордилась, всем показывала: смотрите, мне Павленский письмо прислал... Но это были какие-то эпизодические вещи. А потом, помните, конец 2015-го, посадили инженера Ваню Непомнящего на два с половиной года за удар полицейского зонтиком во время событий на Болотной? Дальше — история с Ильдаром Дадиным, волна протестная как-то схлынула, митинги ни к чему не приводили, я чувствовала себя совер-

Вам

Как несколько строк

шенно потерянной и не понимала, что я вообще делаю на этом свете, почему сижу ровно, видя творящееся вокруг...

— То есть полная растерянность и стыд, что помочь не получается?

— Ну да. И тут моя дочь Маша как-то говорит: мы не можем сражаться на баррикадах, но мы можем придумать какой-нибудь проект, чтобы поддержать людей, оказавшихся в заключении, сделать что-то для прямого облегчения существования тех, кто внутри. Мы стали думать. А у нее с детьми была такая игра: они сидели под столом, накрывшись скатертью, и до бесконечности рассказывали друг другу сказки, называлось это «Сказки в темноте». И меня очень зацепило слово «сказки», я подумала, что можно вот так на постоянной основе затеять переписку с политузниками и писать им не только о новостях, но и сочинять или разыскивать истории, которые были бы людям интересны.

— Сделать так, прежде всего, чтобы человек, который сидит за решеткой, регулярно получал письма и знал, что он не один?

— И тюремщики увидят, что он не один, что к человеку есть интерес общества и, соответственно, хоть какой-то контроль... Втихаря не угробят — есть шанс. Сейчас я знаю, что некоторые сидельцы читают наши рассказы целыми камерами, это добавляет популярности хозяину письма, что очень важно в колонии.

— И с чего вы начали?

— С группы в фейсбуке под названием «Сказки для политзаключенных». «Комитет 6 мая» (поддержка узников

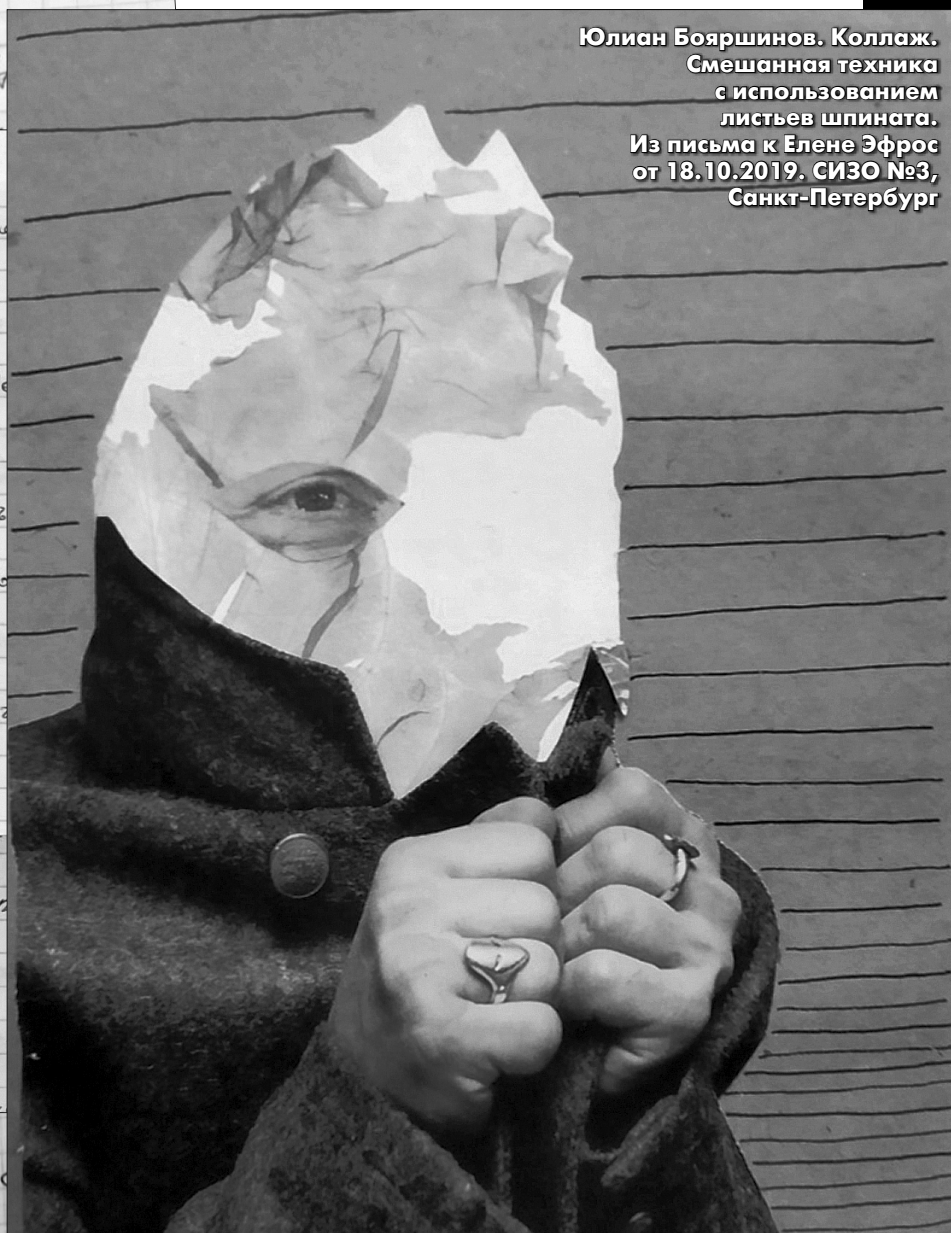
Роман Сущенко. Инженерный замок.
Смешанная техника: шариковая
ручка, свекольный сок, чай,
фурацилин, луковая шелуха.
Рисунок из письма к Елене Эфрос
от 10.09.2018. ИК №11,
Кировская область

**Письма Юрия Дмитриева
из СИЗО №1, Петрозаводск**

Дорогие мои
Нина
Получил от вас до
Подрались оно до
временам - скорого
Спасибо за ново
из интересное
и безмудного тус
О том, что на
много-много лет
Один адрес - Гор
А вот на Сенной
под лошадь или
Депутатом Бакин
ние из истории - хороше
рад действовать. Можем
новости?

Юлиан Бояршинов. Коллаж.
Смешанная техника
с использованием
листьев шпината.
Из письма к Елене Эфрос
от 18.10.2019. СИЗО №3,
Санкт-Петербург

письмо!

МОГУТ СПАСТИ ОТ ПЫТКИ ОДИНОЧЕСТВОМ

с Болотной площади) помог создать таблицу, куда заносились все сведения о ребятах: имена, где кто сидит, день рождения и куда какие истории посылать, чтобы не повторяться. Кстати, эту таблицу мы ведем и сейчас, и любой желающий писать письма политэнкам может к нам обратиться за помощью. А тогда, в самом начале, лично я написала всем узникам «болотного дела», которые на тот момент сидели. Это была такая веерная рассылка — по сути, спам, с рассказом об этом проекте и главным вопросом: а интересно ли это?

— **И кто первым откликнулся?**

— Анархист Дима Бученков, кандидат политических наук, сидевший на тот момент в СИЗО. Дима настолько заинтересовался, что захотел не только получать от нас письма, но и сам писать истории для наших «Сказок». Тюремным бестселлером стала его сатирическая сказка о новых приключениях поросенка Фунтика: Фунтика арестовывают, судят, а потом он сбегает. Иногда у Фунтика возникали проблемы с цензурой, тогда приходилось посылать что-то другое...

— **А кто сейчас участвует в написании «Сказок для политзаключенных»?**

— Моя мама Нина Катерли все время присылает неопубликованные рассказы, специально для наших сидельцев стала писать Татьяна Бонч-Осмоловская, она живет в Австралии и рассказывает об этой стране. Кстати, в результате из ее историй получилась целая книга, она издана и называется «Листья эвкалипта». Эти рассказы читали Сергей Мохнаткин, Микола Карпюк, Юрий Дмитриев, Богдан Голошков и другие.

У нас много самодельных авторов, непрофессиональных, я сама кое-что сочиняю. Ну а тех, кто непосредственно рассылает письма, человек десять. У нас очень активные волонтеры в Москве, Питере, есть и за пределами России — они не только письма пишут, но делают передачи, посылают политзаключенным книги, заказывают для них продукты в интернет-магазине. Никакого финансирования у нас нет, отправляем все за свой счет.

— **Сколько писем в месяц вы лично, например, пишете?**

— Я пишу около пятидесяти, а другие и того больше.

— **Экзистенциальный кризис, как вы понимаете, ушел?**

— Полностью. Иногда бывает паника на грани истерики, что я ничего не успеваю.

— **Меняются ли как-то вкусы и запросы политзаключенных?**

— Еще как! Фунтик уже никому не нужен. Новая молодежь, которая села по резонансным делам, относится к тек-

стам более избирательно, осознанно. Очень многим нужны просто новости политической жизни, безоценочные — из серии «ТАСС уполномочен заявить». Часто просят прислать тексты по тем или иным областям знаний — кто про биотехнологии, кто по истории, а недавно отсылали в Пензу, где содержатся ребята по делу «Сети» (организация, запрещенная на территории РФ. — Ред.), отрывки из статьи Маяковского «Как делать стихи» по их просьбе. Раньше было просто: взял сказку, приписал что-то к ней, а теперь сидишь, занимаешься исследовательской работой, мониторишь интернет, ищешь ответ на вопрос. Меня это все саму очень увлекает!

Про ученых я уж и не говорю: вот сидит в Тверской области 80-летний ученый Владимир Иванович Лапыгин, ему страшно интересны новости о космосе, вообще все, что происходит в его науке, пока он из нее исключен, — ну что, ищем новости космоса. Кстати, в колонии он работает в тюремной библиотеке вместе с Алексеем Улюкаевым.

— **Вероятно, вы будете рады участию в «Сказках для политзаключенных» профессиональных писателей и журналистов, пишущих на самые разные темы?**

— Без сомнения. Пусть просто напишут мне личное сообщение в нашей фейсбучной группе.

— **Ну а что делать обычному человеку? О чем писать первое письмо?**

— Да так и писать, стандартный текст, типа: привет, я узнала о вашем деле из СМИ или из интернета, хотите ли со-

мной переписываться, если да, то какие темы вам интересны. И не переживать ни в коем случае, если вам не ответят, просто написать кому-то еще.

— **Как лучше отсылать письма и дорогое ли это удовольствие?**

— Самое удобное, конечно, — это через электронную систему «ФСИН-письмо», она проста и доступна. После поступления письма на адрес учреждения его просматривает цензор, если он не пропускает, вы будете об этом тут же уведомлены, а ответ (его нужно оплатить заранее) ваш адресат пишет от руки на специальном пронумерованном бланке, который сканируют и отсылают вам на е-мейл. К сожалению, «ФСИН-письмо» действует не на всей территории страны, да и стоит гораздо дороже простого письма. Существует еще некоммерческий волонтерский проект «Росузник», который занимается чисто технической пересылкой писем, — это для тех, кто пишет из-за границы, кому совершенно лень дойти до почтового ящика или у кого абсолютно нет денег...

— **Я так понимаю, что в простое письмо можно еще и фотографии вложить?**

— Конечно. И фотографии, и открытки. У людей, которые сидят долго, наступает сенсорный голод, они сидят в этих серых стенах, красок, цветов им точно не хватает, поэтому мы часто посылаем просто репродукции, плюс картинки всегда легче проходят цензуру, чем письма. Правда, тут бывают и курьезные случаи, один такой был с Романом Сущенко: наш волонтер послала ему красивую открытку с подсолнухами, а он в ответ — зачем вы мне прислали открытку с 7 ноября? Потом мы поняли, что подсолнухи просто понравились цензору...

— **Что для вас самое приятное в вашем «Сказочном» проекте?**

— Когда кто-то из наших подопечных выходит на свободу и перестает нам писать.

Виктория ИВЛЕВА —
специально для «Новой»

И тюремщики увидят, что он не один, что к человеку есть интерес общества и, соответственно, хоть какой-то контроль... Втихаря не угробят — есть шанс

1.

Казалось бы, все уже ваше —
 земли, слова, права,
Пресса, суды, глава, камни, вода, трава,
И всё — от главы до травы —
 уже такое, как вы,

Такое.
Уже возгласил Госбред,
 что это на сотню лет,
Уже учрежден Комбед,
 уже отдался поэт,
Уже отменен рассвет,
 а вам по-прежнему нет
Покая.

Уже вас пустили в сад, в столицу,
в калашный ряд,
Рабы подставляют заг,
соседи отводят взгляд,
По стогнам идет пара,
жильцы обоняют смрад
Параши,
Все, что запрещено, выброшено давно,
Все, что разрешено, заранее прощено,
И всем уже все равно, и все это все равно
Не ваше.

*Все уже стало так,
 как вечно хотел дурак.
Если бы мрак! Кругом теперь полумрак.
Всюду, где не барак, — дебри и бугерак,
Как в Вольте.*

*Я все отдам завистнику и врагу,
Ни дня не спрячу, ни слова не сберегу,
Но сделать все это вашим я не могу,
Увольте.*

2.
Вот тебе баба, дерево, птица,
Воздух, ключ от жилья.
Где тебе этим так насладиться,
Как наслаждался я?
Мой мир отныне тебе завещан
И, в сущности, искалечен.
Отныне тебе наслаждаться есть чем,
Но насладиться — нечем.

Правильно так говорить при утрате
Жизни, жены, страны.
Эти слова не добры — но, кстати,
Эти слова верны.

От них смутится любая мать,
Пьяная от побед,
Так как вы можете все забрать,
Всех замучить и всех загрызть,
Все изгадить и все засрать,
А насладиться — нет.

Кругом теперь полумрак

Так как вы можете
все забрать
всех замучить
и всех задрать
все изгадить

Из лирики этой осени — в духе Фелипе

Так как вы можете
все забрать,
всех замучить
и всех задрать,
все изгадить
и все засрать,
а насладиться — нет

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Редакторы номера:
Р. Дубов, С. Соколов

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

НОВАЯ
газета

РЕДАКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия:
Роман АНИН (отдел расследований),
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕDEV (зам главного редактора),
Андрей ЛИПЧИКОВ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (зам главного редактора),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор
 WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯХОВСКИЙ (зам главного редактора)

Общественатели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНОВ,
Елена ДЯКОВА, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЫГИН, Денис КОРОТКОВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО, Елена КУСТИКОВА,
Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Елена
МАЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТУРОШИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬТЕНГАУЗ,
Арнольд ХАЧАТУРОВ, Олег ХЛЕННИКОВ,
Вера ЧЕЛИШЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН, Роман ШЛЕЙНОВ

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕФИАНОВА (страны Балтии
и Северной Европы), **Иван ЖИЛИН** (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск).

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО
(технические редакторы)

WEB-редакция:
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Елизавета КИРПАНОВА,
Роман КОРОЛЕВ, Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Анастасия ТОРОП

ИЗДАТЕЛЬ

ЗАО «Издательский дом «Новая газета».
Председатель совета директоров
и редакционного совета —
Дмитрий МУРАТОВ

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИКОВ (заместитель генерального директора),
Владимир ВАНЯКИН (управление делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА (бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА (персонал),
Ангелика ПОЛЯКОВА (реклама),
Ярослав КОЖУРОВ
(юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

**РЕДАКЦИЯ НОВОЙ
ГАЗЕТЫ В СПБ**

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-Пб»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д.Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/poga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

PR633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130
от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**
Тираж сертифицирован
 Novayagazeta.Ru — **17 300 000** просмотров
 за октябрь 2019 г.
 Тираж одного номера
 в СПб — **3180 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2019 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ № 28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 23:30, 09.11.2019.
Номер подписан: 23:30, 09.11.2019. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00
10.11.2019. Уважаемые читатели! Просим вас корреспонденцию присылать
по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «МедиаС-Пб».